

ПОЛЕТИМ ЛИ ПОЕЗДАМИ НА КАВКАЗ?

Почти две недели рядом с подмосковной станцией Щербинка проходила международная выставка «Железнодорожный транспорт-89». В ней принимали участие свыше 200 фирм и организаций из 20 стран мира.

На выставках нам всегда есть что показать. Вот и на нынешней во всем блеске была советская экспозиция. В ее формировании участвовало двадцать министерств и ведомств. Многие экспонаты не уступают лучшим зарубежным. Увы, на быстром основании из производств, как убеждает горький опыт, рассчитывать не приходится.

Взять, к примеру, автоматизированную систему «Экспресс-2». Она повышает более чем вдвое производительность труда кассиров и в шесть раз укоряет оформление пропускных документов. С ней мы знакомились еще на выставке «Железнодорожный транспорт-77». А сегодня в Щербинке «Экспресс-2» выглядит иным образом тем, кто заглянул с ее широким внедрением: отсюда не исчезающие очереди за билетами, особенно в летнее время.

В экспозиции и техническая новинка для самостоятельного бронирования пассажирских автобусов не появилась. С помощью терминала с клавиатурой для передачи запроса и дисплеем для ответа пассажир видит не посредственный диалог с системой «Экспресс-2», в результате которого ему выдается талон, гарантирующий приобретение заказанных билетов.

Добавим, что технология самобронирования мест на поездах успешно сдана экзаменам в практических условиях. Ее должны посетители и работники Московского железнодорожного агентства, где с ее помощью за счету оформляется в пять раз больше билетов. Здесь она трудится уже около года, но кризис широкого внедрения так и не обре-

тала. Не лучше обстоит дело и с практической реализацией автоматизированной справочно-ин

формационной системой ЭКАСС. А ведь такая помощь, быстро, четко и безошибочно отвечающая на любые вопросы по перевозкам, необходима на сети дорог. На крупных вокзалах и в билетных агентствах ее может использовать неограниченное число сотрудников спроцессно — информационной службы. Для этого лиши требуется оборудовать на рабочих местах терминалами. К тому же она способна обслуживать пассажиров и напротив. С этой целью и ней подключают дисплеи, на экранах которых выводятся ответы.

Выставка отражала и стремительное развитие на железных дорогах пассажирского высокоскоростного движения. Ее должны посетители и работники Московского железнодорожного агентства, где с ее помощью за счету оформляется в пять раз больше билетов. Здесь она трудится уже около года, но кризис широкого внедрения так и не обре-

тала. Не лучше обстоит дело и с практической реализацией автоматизированной справочно-ин

формационной системы ЭКАСС.

Активное включение в этот процесс нашей страны — объективная необходимость. Так воспринималась стенд, знаменующий с проектом создания в СССР высокоскоростной магистралью Центр — Юг, обеспечивающей, что в начале ХХI века москвичи смогут отправиться в Крым и на Кавказ поездами со скоростью 300 километров в час. Будет ли реализован у нас этот и другие проекты?

Ю. ГРЕЧАНИК.

КИНОДЕБЮТ «ПАНОРАМЫ»

Под крышей старейшей студии страны «Ленфильма» родилось новое кинообъединение — «Панорама». Впрочем, родство у них не прямое: одни подчиняются Госкино СССР, другие взяли под свое крыло Ленинградское отделение Кинофонда СССР.

У «Панорамы» нет своего штата — она работает на договорной основе, имеет возможность сотрудничать с любыми мастерами.

— Мы задались вопросом: на какие средства делать кино? — говорит директор «Панорамы» А. Ставицкая. — Выручил спонсор — кинотеатральная организация, которая рискнула поверить в нашу творческую состоятельность. Так появилась первая кинокартина «Ля слушки в охране Ставицких», созданная вместе с «Ленфильмом».

ЧТО ДЕМОНСТРИРУЕМ?

Вчера на ВДНХ отмечали круглую дату — 30 лет со дня открытия выставки достижений народного хозяйства страны. Всякий раз, когда проходил под массивными колоннами монументального центрального входа главные выставки, чай-то похожими на Трумфальную арку, у меня возникал странное ощущение, будто попадаешь в иные времена. Если судить по музыке, полной наивного оптимизма, и архитектуре, застывшей в нечеловеческом величии, то это, безусловно, прошлое. С его по-сталински гиперграфированным показухой.

А если ориентироваться на стены павильонов, переполненные немыслимыми товарами народного потребления и изобилиующие забытыми деликатесами, то это, конечно же, — ожидаемое наше будущее.

Жизнь, которую мы знаем, с ее немыслимыми дефицитом, очевидно, толкнула и неприметностью, остается как бы за стенами выставки. А тут, на аллее ВДНХ, неприметно спокойно и приятно. И гости столицы, уставшие от пустой бе-

зотности, без привязки к той или иной студии. Прибываю тут, веря, что на хорошем понимании подспорье.

И все же «Панорама», работающая на полном ходу, стремится к новым экспериментам, и вряд ли кто-нибудь возьмется предсказать, велики ли ее шансы на выживание.

С одной стороны — свобода действий, с другой — полная зависимость от производственной базы. Директор «Панорамы» считает, что хорошо бы воспользоваться опытом Запада, где есть специальные фирмы, обеспечивающие кинематографистам всем необходимым. Государству было бы выгодно создать парк съемочной

техники, без привязки к той или иной студии.

Веря, что на хорошем понимании подспорье.

Ю. БЫЧКОВ.

● Перестройка на ВДНХ. Интересно, как изменится после нее павильон «Советская культура»? Фото А. Сергеева.

готин по торговым точкам Москвы, блахенно и отрешенно бредут в лабиринте павильонов. Им некуда больше спастись, не за чем толкаться. Их здесь, как в рулетовом рео, все-го в достоинстве, нет очередей и изненожи оскомуни дефицита. Здесь все можно увидеть, но ничего нельзя приобрести. Это практически не надо денег, так как ничего покупать.

В эти дни посетители ВДНХ могут полюбоваться и надежным зданием, окружившим павильон «Советская культура». Что за них! Действительно капитальный ремонт или косметическое преображение?

А может быть, в капитальном ремонте нуждается и вся выставка? Ведь так хочется вместо мифического великолепия увидеть настоящие реальные достижения народного хозяйства.

Ю. БЫЧКОВ.

● Перестройка на ВДНХ. Интересно, как изменится после нее павильон «Советская культура»? Фото А. Сергеева.

ПАВИЛЬОН ЗАКРЫТ НА КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

готин по торговым точкам Москвы, блахенно и отрешенно бредут в лабиринте павильонов. Им некуда больше спастись, не за чем толкаться. Их здесь, как в рулетовом рео, все-го в достоинстве, нет очередей и изненожи оскомуни дефицита. Здесь все можно увидеть, но ничего нельзя приобрести. Это практически не надо денег, так как ничего покупать.

Ю. БЫЧКОВ.

● Перестройка на ВДНХ. Интересно, как изменится после нее павильон «Советская культура»? Фото А. Сергеева.

ПАВИЛЬОН ЗАКРЫТ НА КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

ПАВИЛЬОН ЗАКРЫТ

ОПАСНЫЙ ДЕФИЦИТ

В своих последних работах, которые приято называть политическим завещанием, Владимир Ильин Ленин отметил, что одним из ключей к решению сложнейших экономических и политических задач, к победе подлинного народовластия является культура. Ленин выдвинул на первый план вопрос о подъеме культурного уровня масс именно в условиях обострившихся экономических и политических проблем.

Это может показаться неожиданным, если считать, что культура — роскошь. Но в действительности вопрос о культуре — это вопрос о человеке, об обществе в целом, вопрос о нравственном и духовном состоянии людей.

Развитие демократии сегодня упирается в состояние культуры общества. Не оценить этого — означает затормозить процесс революционного обновления.

Дефицит культуры — может быть, самый опасный из всех имеющихся дефицитов.

Конечно, наша страна прошла громадный путь в преодолении культурной отсталости масс. Но, похоже, мы все еще не отаем себе отчета в том, насколько драматичны потери на этом пути, на каких рубежах культурного развития наше общество топчется уже не одно десятилетие. Загублены, растратлены части величайшего наследия, составляющая национальную гордость народов нашей страны, иссушены корни традиционной народной культуры, обединили национальные языки, из школы изгнали искусство. Мы уже свыкались с хронической нехваткой книг, музыкальных инструментов, художественных материалов, красок, кистей — всего, что составляло насущный хлеб культуры. Печально состояние матери-

альной базы культуры, неудовлетворительно положение студентов и преподавателей вузов искусств, положение музейных работников, реставраторов, строительства очагов культуры.

«Остаточный подход» к духовным проблемам больно мучит потерянки в интеллектуальном потенциале народа, унижает его достоинство, пропитывает гуманизмом и демократизацию общества. За воевания революции дали советскому народу право на землю, право на труд, на бесплатное образование, на бесплатное медицинское обслуживание. Дали они и право на культуру. И мы должны вородить в полной мере это высокое право как право конституционное.

Человек начинается с детства. Здесь же и начинаются будь нашей культуры. Более половины школ страны не имеют учителя музыки, не-многим лучше и положение с учителями рисования. Спрос на детскую литературу удовлетворяется лишь на 30 процентов. На уроки литературы в школах приходится на треть часов меньше, чем в домашней школе. А сеть детских театров и количество спектаклей для детей такова, что в среднем советский ребенок имеет возможность посетить театр только один раз в шесть лет.

Современная молодежь называет «потерянным поколением» для музыки, для искусства. Если срочно не исправить дело в области эстетического воспитания, мы рискуем стать отсталой страной. Это болезненно скажется на отношении людей друг к другу, на умении красиво и творчески работать и жить.

Государство у нас народное, и оно должно иметь культурную политику в интересах

Выступление народного депутата СССР, президента Академии художеств СССР Б. УГАРОВА, не прозвучавшее с трибуны Съезда народных депутатов СССР и переданное им в редакцию «СК».

должна участвовать в перестройке во имя народа, а не только для себя, как это иногда случается! Стране нужна новая культурная политика, воплощенная в конструктивных решениях и практической работе. Просьба депутатов поддержать предложение поручить новому правительству разработать «Основные направления развития культуры СССР» на длительную перспективу.

Этот документ и должен продолжить путь для новой культурной политики в стране. В нем следовало бы предусмотреть:

строгий, но закону определенный и неприсклонный государственный институт ассигнований на сферу культуры.

гибкий механизм отчислений на культуру из местных бюджетов с учетом введения в действие Закона о местном самоуправлении. Следовало бы подумать и о том, чтобы введение хороскопических отношений способствовало привлечению и профессиональной высокой искусства, а не коммерции, рыночному подходу к духовным ценностям.

Надо, чтобы и налоговая система работала на культуру. Исходя из мирового опыта, предлагаю значительно сократить налоги, а может быть, где-то и снять их с некоторых частей промышленных предприятий, кооперативов, доходов отдельных граждан, которая передавалась бы на культурные цели.

Новая культурная политика должна получить законодательные гарантии. Поэтому вновь предложение о разработке «Основ законодательства Союза ССР о культуре».

Главной движущей силой культуры — творческий потенциал людей. Видимо, будем правильно, если под эгидой инновации создаваемой ко-

миссией Верховного Совета СССР по делам культуры будут периодически созывать «Весенние съезды деятелей культуры». На них можно было бы обсуждать все конкретные вопросы культурного возрождения нашего общества, путем укрепления роли и места гуманистической культуры в стране, ее авторитета в современном мире.

В силу особой значимости культуры нам следовало бы подумать и об особом статусе Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам культуры. Она должна видимо, заниматься не только о бюджете культуры, развитии национальных культур, но и взять под свою опеку культурные центры общепринятого значения.

Выражая заботливость состоянием культуры народов СССР и в особенности эстетического воспитания детей и молодежи, нам следует:

поручить правительству СССР разработать проект «Основные направления развития культуры СССР», признать необходимым подготовку и принятие Основ законодательства Союза ССР о культуре».

поручить Комиссии по культуре Верховного Совета СССР разработать и выпустить на обсуждение очередного Съезда народных депутатов СССР предложения о культурной политике Советского государства и механизмах ее финансового и материально-технического обеспечения.

Это — важнейшие положения новой культурной политики в нашей стране и неотложных мер по повышению роли культуры в обновлении нашего общества.

Голосуя за них, добиваясь неуклонного претворения в жизнь новой культурной политики, мы с вами будем голосовать и действовать во имя наших детей и внуков, а также для национальной симфонии и многонациональной социалистической Родины.

На Сумском научно-производственном объединении имени М. В. Фрунзе успешно выполняются и планы социального преобразования.

• Городской парк «Сказка», в строительстве которого принял участие НПО им. М. Фрунзе.

• Детский сад «Родуга», один из лягушатников детских садов объединения.

Фото В. Марущенко.

КАК ЛЕГКО мы пользовались терминами «законность», «народовластие», «демократия», «правопорядок»! Казалось, что если и любому юридическому термину приставить слово «социалистический», то сила его воздействия не лишился бы... Мы стали понимать, что правовая культура социализма заключена не в терминах, а в реальности их содержания, обусловленного общечеловеческими мерками и здравым смыслом.

Берусь утверждать, что уровень культуры вообще, и правовой в частности, — это решающее условие успеха перestroйки. Как показывает опыт Запада, устойчивая демократическая культура в состоянии «переворачивать» любые формы радикализма, избавляя общество в государстве от необходимости побегать и использовать силы в целях самоохранения. Такой потенциал культуры может сложиться в обществе не сразу, он накапливается десятилетиями и проявляется тогда, когда народ в своей массе начинает верить в справедливость законов и принципов системы, их соответствие естественным стремлениям людей и здравому смыслу.

Всё эти истины вовсе не так абстрактны, как могут показаться на первый взгляд. Мы переживаем сложный период. Только-только начинают формироваться цивилизованные политическая этика и умение жить в условиях свободы. Пока еще мысли и стереотипы прошлого, сросшиеся в сознании многих с бездействием и страхом, упорно тянут назад, в привычное русло конформизма и сплочки. Вытравить эту энергию, заданную сталинизму, и «смыть» культуру — дело, может быть, самое трудное в перестройке. Но без этого нечего и думать о достижении ее целей. Ни экономическая реформа, ни решение социальных проблем, ни создание демократических структур власти не будут эффективными, если народ не приемлет их как безальтернативный моральный и правовой императив. Право, если оно развивается не в отрыве от уровня культуры и общественного сознания, — главный инструмент в достижении такого состояния умов.

Все эти истины вовсе не так абстрактны, как могут показаться на первый взгляд. Мы переживаем сложный период. Только-только начинают формироваться цивилизованные политические этика и умение жить в условиях свободы. Пока еще мысли и стереотипы прошлого, сросшиеся в сознании многих с бездействием и страхом, упорно тянут назад, в привычное русло конформизма и сплочки. Вытравить эту энергию, заданную сталинизму, и «смыть» культуру — дело, может быть, самое трудное в перестройке. Но без этого нечего и думать о достижении ее целей. Ни экономическая реформа, ни решение социальных проблем, ни создание демократических структур власти не будут эффективными, если народ не приемлет их как безальтернативный моральный и правовой императив. Право, если оно развивается не в отрыве от уровня культуры и общественного сознания, — главный инструмент в достижении такого состояния умов.

Все эти истины вовсе не так абстрактны, как могут показаться на первый взгляд. Мы переживаем сложный период. Только-только начинают формироваться цивилизованные политические этика и умение жить в условиях свободы. Пока еще мысли и стереотипы прошлого, сросшиеся в сознании многих с бездействием и страхом, упорно тянут назад, в привычное русло конформизма и сплочки. Вытравить эту энергию, заданную сталинизму, и «смыть» культуру — дело, может быть, самое трудное в перестройке. Но без этого нечего и думать о достижении ее целей. Ни экономическая реформа, ни решение социальных проблем, ни создание демократических структур власти не будут эффективными, если народ не приемлет их как безальтернативный моральный и правовой императив. Право, если оно развивается не в отрыве от уровня культуры и общественного сознания, — главный инструмент в достижении такого состояния умов.

Но социалистическое правовое государство все же становится реальностью. Проведены первые демократические выборы, рождаются парламентские формы решения общенародных проблем, воскрешаются из руин судебная система, конституционные права и свободы. Люди начинают понимать, что право не «дышило», что и на бородатых есть управа. И главное — порядки становятся все более спрятанными.

Н О НАРЯДУ с ростом правосознания идет и контрапрессия, и особенно в плане расхождений между правом и моралью. Тождество между ними быть не может, но без прочного нравственного фундамента правосознание становится рыхлым. Этому противодействует национальный дух, например, в вопросах о положении национализации, о борьбе с алкоголизмом. Значительная часть населения оказалась, мягко говоря, морально не подготовленной к новым правовым мерам, что затрудняло их претворение в практике или вообще привело к неуспеху. В этом — важное напоминание законодателю, а здраво и тем разумел, что нормы, которые требуют формировать перестройку на основе абстрактных построек о добром и зле.

В процессе глубокой перестройки морали и социальной этикологии даже не самое главное — осознать свободу человека. Но власть укрепляет свободу, а свободное волеизъявление людей рождает органы власти. Следовательно, государство в первую очередь должно охранять естественные права и свободы человека — на жизнь, благополучие, мысли, совместную инициативу, общественную деятельность и др., устанавливая пределы этим правам и свободам лишь в той степени, в какой это необходимо в интересах других людей и всего общества. С этих простых истин и начинается правовая культура, главным содержанием которой является установление справедливых взаимоотношений человека и государства.

Рассчитывать на итоговое понимание этого вряд ли можно, ибо велика привычка людей

ждать от государства «положенного», а государственных чиновников — считать себя монополистами определенного того, кому, чего и сколько «отпустят». Но новая модель социализма — гуманистического и демократического — опровергает эту отжившую систему, она рождает концепцию, в которой государство не господствует над обществом, а подчиняется ему на четких правовых основах.

Всё тем не менее думать, будто понятие «правовая культура» обращено в науку-то од-

аждый раз прийти сразу, но она абсолютно необходима для уважения народа и парламенту, зеркальности власти и правотворчества.

Другой «кризис» проблемы — общественное мнение, печать, наука. Политика гласности подтолкнула прессу на глубокие разоблачения фактов массовых репрессий в прошлом, организованной преступности, коррупции, беззакония в сфере деятельности правоохранительных органов. Печать в той мере, в какой она не сдерживается бюрократическими

грессы, правдивости и совестливости нашей жизни.

Раскомплексованность в сфере индивидуальных прав, увы, сплошь и рядом сопровождается ослаблением понятий об обязанностях человека, его ответственности перед обществом, трудовым колlettivem и своей совестью. Можно бы попытаться свалить причину на государство, особенно такую его часть, как райископы и милиция, с которыми чаще всего «ведут войну» граждане в следственной работе, стремление любым путем «добыть» доказательства все же дают себя знать. Недавно это стало предметом широкой полемики в прессе. И снова общественное мнение продемонстрировало отсутствие прочных убеждений, многие люди стали искать истины в «целесообразности», а не в ценностях правового государства.

А ценности эти общечеловеческие для всей мировой практики. Вот пример. Несколько лет назад в США произошел случай, когда подпольщики, проводя борьбу против торговли наркотиками, имела основание предполагать, что некий торговец наркотиками спрятал часть «товара» на квартире у знакомого. И хотя ордер на обыск у полицейских не было, они все же вошли в эту квартиру и действительно обнаружили там склад наркотиков. Казалось бы, цель оправдала средства. Однако Верховный суд анулировал эти доказательства как добытые незаконным путем и «закончил» нарушение конституционной неприкосновенности жильца. Думается, что пример получился, хотя и в нашей практике есть много аналогичных примеров. Не хватает нам только одного: понимания, что конституционные гарантии должны действовать при всех условиях и несмотря ни на что — в том числе и на враждебных элементах правовой культуры.

Реакция на происшедшее в последнее время преступности тоже показательна. Казалось бы, что искренне: в сложившейся обстановке надо улучшить деятельность правоохранительных органов, проводить борьбу против торговли наркотиками и тому подобное. Но вместо этого часто приходится слышать, что вот-де и чему привела перестройка: что мы демократии не готовы и т. д. Тут отсутствие правовой и демократической культуры смыкается с интересами антиобщественных элементов, которые как раз и хотят подорвать перестройку. Преступность, саботаж, искусственное создание дефицита товаров следут рассматривать как своеобразное восстание против перестройки со стороны самых темных антиобщественных сил. Поэтому криминальная ситуация, сложившаяся в стране в настоящее время, должна вызывать лишь твердую решимость законными путями дать отпор антиобщественным элементам, защитить народ на обновление и оздоровление нашей жизни.

Закономерно в связи с этим оказать значительную общественную поддержку мерам по усилению правовой защищенности и повышению авторитета работников правоохранительных органов, укрепления общественного порядка. А то получается, что рост преступности вредит всем, а помощь правоохранительным органам практически никем не оказывается, да и тому же нет надлежащей моральной поддержки гражданами, работающими в этих органах (милиционерами, судьями, следователями). Не задерживать развитие демократии и гласности, а органично соединить этот процесс с решительным противодействием правонарушениям, авариям и всевозможными опасностями. Это совершенно неверно. В сознании людей должно сложиться уважительное отношение к праву, твердое убеждение в том, что наше государство спрашивается и сильное — как для того, чтобы защищать законные права каждого человека, так и для того, чтобы наказать тех, кто эти права нарушает, не считаясь с общественными интересами. Не понимать этого — значит нести правовую культуру и оторванную от жизни утопию, в конечном счете и деградацию государства.

Сила нашего государства в связи с массами, и мы ни при каких обстоятельствах не должны потерять этого ценнейшего социалистического качества. Возбуждение народов на перестройку будет тем эффективнее, чем сознательнее, чем глубже будет входить в его жизнь правовая культура.

СКОЛЬКО СВОБОДЫ НУЖНО?

Заметки о правовой культуре в правовом государстве

ними, выступает как реальная гарантia законности, мощное средство правового воспитания граждан. И хотя в новых изданиях все еще сквозит скрытая или явная симпатия к «демократии» и умаление законности, все же сегодня роль печати в формировании правовой культуры остается ведущей.

Хотелось бы также оценить роль нашей юридической науки в укреплении идеи правового государства. Открытое бравировало правовыми неизвестными, третировало юристов как «формалистов». Нет, конечно, характеристики, не знают западной теории и практики, пытаются приложить к новым потребностям старые научные категории. Не изменила привычки и комментаторству по поводу формулы закона, хотя требуется определять еще и его политическую сущность.

Это ясно проявилось в ходе обсуждения последних дополнений и поправок к Конституции и избирательному закону, недостатки которых породили очевидные трудности в работе Съезда народных депутатов. Юридическая наука призвана сыграть новую, творческую роль в развитии правовой культуры, и надо укрепить ее независимый характер, развивать критический подход к деятельности всех органов государственного механизма, всех институтов.

ПРАВОВАЯ культура неотделима от правосознания, мощное средство правового воспитания граждан. Несомненно, что в высшей школе, в системе образования и в высшей школе, в системе образования и в высшей

Гуго Вормсбехер:

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ: ЖИВЕМ НАДЕЖДОЙ

Прежде чем ответить на эти вопросы и сказать, что стало с нашей культурой, надо вспомнить, какая она была. В этом году мы отмечаем 225-летие нашего народа. Годом его рождения мы считаем 1764 год, когда первые немецкие переселенцы прибыли по приглашению российского государства на Волгу. Однако в раньше в Россию приглашались немало немцев — как мы сказали бы сегодня, творческой, научной и технической интеллигентией, которая внесла, без преувеличения, огромный вклад во все сферы жизни России. Достаточно переплыть страницы русской истории, чтобы увидеть в ней сотни славных имен — немецких имен. В науке эти имена незаменимы были вычеркнуты даже из школьных учебников наших 50-х годов, после страшной войны с Германской-учебниками, отражавших давно линию «борьбы с немецкими засильем». Эти имена прочно вошли в русскую литературу: Фонвизин, Хаммонд, Дальян, Кюхельбекер, Даля... А кто был в Георгиевском зале в Кремле, своим глазами мог увидеть, какое место занимают немецкие имена на скрижалих военной славы и славы России. То есть культурный потенциал российских немцев был достаточно высоким, если смотреть на них как на иноземную культуру, в историю такой великой страны, как Россия. Вообще теснейшие многоязычные связи русского и немецкого народов, очень дополняющих друг друга, давали ими много.

— Но вы упомянули о 1764 году...

— Да, именно с этого года приглашение немцев в Россию приобрело довольно массовый характер. Однако цели были уже иные: нужно было освоить и закрепить за Россией окраинные и тогда пустовавшие земли в Поволжье, на Украине. Для этого требовалось в основном крестьян и ремесленников. Именно они и прибыли из разных германских земель государств, принесли с собой не только необходимые строительные и промышленные технологии, но и свою культуру. Обично выходили из одной земли — в Германию, тогда еще не была единой государством — селились вместе, и таким образом культура немцев Поволжья представляла собой в течение почти двух веков, включая и советское время до самой начала войны, уникальное явление. В немецких селах мозаично сохранились языки (диалект), обычай, традиции, фольклор в таком виде, в котором они были в середине XVIII века в той или иной местности Германии. Это представляло огромный научный интерес — ведь в самой Германии многое за это время уже исчезло.

— Не говорят ли это явление и о стремлении к автономии, обособленности, передко прописываемые советским немцем?

— Такое выходит напрашивается. И это стремление действительно исклучает немца. Однако скажите мне, какому народу это стремление не свойственно? Особенно проявляющимся в иннациональной среде! Думаю, это стремление естественно. Как каждый человек, как каждая семья стремится сохранять свою целостность, свои взгляды, свои привычки, свой уклад, так и каждый народ стремится сохранять себя. Что же касается российских немцев, то подобная обособленность не стала их целью, сколько же результатом объективных моментов. Они были «обособлены» с самого начала: ведь они выделялись еще незаселенными землями. Позже они были отделены языками и религиозными барьерами.

Однако немцы, на мой взгляд, выдали естественное стремление народа оставаться самим собой за национальное языковое, за национализм; надо уметь различать эти явления. «Замкнутость жизни» российских немцев выражалась, как правило, в том, что они стремились, пока это позволяли экономические условия, не отрываться от своего национального ядра — своих поселений, однако они совсем не противодействовали тому, чтобы к ним шли другие. Так, в АССР немцы Поволжья — как известно, лица двух третей населения составляли немцы, остальные были русскими, украинцами, казаками, калмыками, и никакого антагонизма не наблюдалось.

— Сегодня, когда так обострился национальный вопрос и международные отношения, все больше выходят на первый план, ценен всякий опыт дружбы и взаимоуважения. И не дотоле бы ограничиваться только за конституцией, но и увидеть основу...

— Декларации дружбы, единства, монолитности было действительно много. Но мой взгляд, у российских немцев, в частности немцев Поволжья, из которых в сам промискал, и у представителей других народов, с которыми они соприкасались или жили вместе, был большой взаимный интерес друг к другу. Немцы-колонисты никогда не знали крепостного права, они всегда были свободными, суверенными хозяевами на своей земле, и сам общественный уклад их жизни был притягательным, являлся мечтой для окружающих крепостных крестьян. Ведь у немцев было, пусть и условленное, но самоуправление. Самы они заботились о своем школе, о проповеди — по сравнению с другими народами они тогда выделялись своей грамотностью. Отличались они и высокой культурой хозяйствования — до сих пор немецкие села в Сибири и в Казахстане одним своим внешним видом по-

казывают, что здесь живут люди, умеющие работать. Все это не могло не представлять собой ценного опыта для других.

Одновременно и опыт русских, украинских крестьян, казаков и калмыков, опыт, накопленный в течение веков жизни не в знакомых для колонистов суровых климатических условиях, был ценен для немцев. Такая необходимость, полезность друг другу и сотрудничество вообще всегда сближают людей и народы — не в смысле утраты или своих национальных черт, а в смысле обогащения их опыта, в смысле формирования уважения друг к другу.

— Наверное, это неизбежно вело и к взаимодействию культур!

— К взаимодействию да. Но если понимать под взаимодействием формирование новой южной культуры, то я не склонен считать, что критерий близости и дружбы народов является количеством общих моментов в их культурах. На примере истории Германии, Корен, Баварии, да и нашей страны мы видим, как может раскаться даже один народ, со всеми единой культурой. По-моему, больше всего могут сближать народы, если можно так сказать, неукоснительные книги, учебники: в 1933—1935 гг. было издано 555 называемых книг...

Однако не надо думать, что не было никаких проблем. Репрессии тридцатых годов были трагичными для всей советской культуры, для советской немецкой — вдвое, потому что на них оказывалась не только общая «классовая» поддача, но еще и национальный, когда все немецкое отождествлялось с фашизмом.

Но я потом пришел в 1941 год сего Указом о выселении всех немцев из Сибири и Казахстана, после этого уже не осталось ничего...

— Теперь, наверное, мы можем перейти и к следующему состоянию культуры советских немцев!

— Оно неотделимо от времени войны. Когда все немцы выселялись — в частях на сбоях длилось 24 часа, в то и меньше, и брать с собой разрешалось только руку клада — было, конечно, не до культуры. Мы лишились таким образом фактически всего нашего изобразительного искусства. Самая большая потеря здесь — это наследие крупнейшего художника из российских и советских немцев Якова Бебера. Я бы рекомендовал вашей газете обратиться к исследо-

вательнице его творчества И. Н. Соловьеву-Волынскому, чтобы подготовить о нем отдельную статью, ибо даже то немногое, что осталось из его творчества, представляет, по-моему, большую ценность для всего советского изобразительного искусства, и оно должно быть сохранено для нашей страны.

После репрессий тридцатых годов труда-мини у нас осталось в живых всего несколько художников (и когда благодаря «заказам» жанконтрактов лагерей) и писателей. Типинина судьба наших художников после войны — работа оформляемых на предприятиях: писать лозунги, плакаты, оформлять стенды. Сегодня у нас около двадцати художников, однако национального в их творчестве мало даже в тематике. Это неудивительно, так как трагическая судьба советских немцев, их проблемы последовавшей эпохи были до последнего времени запрещены во всех видах творчества. За это пока только двух художников, обратившихся национальной проблематике: скульптор Иоганнес Зоммер на Алтае и Михаил Диетергейф из Нижнего Тагила.

Почти отсутствует сегодня национальная музыка. Объясняется это отсутствием талантов невозможно: склад музиков немецкого происхождения в советскую культуру и после войны заменили достаточно называемыми Г. Гейгаузом, С. Рихтером, Р. Кернером, А. Шнитке.

Есть у нас сегодня и театр (до войны было пять). Однако в условиях, когда у двухмиллионного народа в течение 48 лет не имел ни одной национальной школы, среднего или высшего учебного заведения, когда многие утратили родной язык, когда не готовятся кадры национальной интеллигенции, когда только в последние годы начата возрождаться художественная самодеятельность, отсутствовавшая до этого времени — одному театру, несмотря на все его мужество, невозможно и в малой степени устранить тот огромный дефицит, который образовался у советских немцев в сфере удовлетворения культурных запросов.

— Но судьба литературы сложилась, кажется, исключительно благополучной!

— Не таком феноменом — пожалуй. Однако насколько можете судить сами. Дело в том, что с 1941 года по 1955 год у советских немцев не было даже своих газет. Сейчас у нас из трех центральных в Москве, Казахстане и мажайланах на Алтае. Вот эти три газеты, в то же время, ежедневные литературные страницы в них, и всплыли до 1981 года единственный «базой» нашей литературы. Впрочем, и литература удерживалась в рамках газетной литературы не только скучными возможностями для публикаций, но и газетной тематикой. Ибо запреты на отражение в ней истории народа, его жизни, его проблем были просто непрерывны. Газетные «площадки» определяли и развитие жанров: в основном рассказы и стихи. В 1981 году был создан журнал «Хайматлихе вайтен» (Хайматлихе вайтен). Хотя он до сих пор выходит всего два раза в год (пробить четырех-, шестиразовый выпуск не удается), в нем за 8 лет опубликовано романов и повестей несколько раз больше, чем за все предшествовавшие 40 лет. Но прописанная ему способность не соответствует напору литературы. Писатели годами ждут публикации своих произведений. То же самое с выходом их

вательнице его творчества И. Н. Соловьеву-Волынскому, чтобы подготовить о нем отдельную статью, ибо даже то немногое, что осталось из его творчества, представляет, по-моему, большую ценность для всего советского изобразительного искусства, и оно должно быть сохранено для нашей страны.

После репрессий тридцатых годов труда-мини у нас осталось в живых всего несколько художников (и когда благодаря «заказам» жанконтрактов лагерей) и писателей. Типинина судьба наших художников после войны — работа оформляемых на предприятиях: писать лозунги, плакаты, оформлять стенды. Сегодня у нас около двадцати художников, однако национального в их творчестве мало даже в тематике. Это неудивительно, так как трагическая судьба советских немцев, их проблемы последовавшей эпохи были до последнего времени запрещены во всех видах творчества. За это пока только двух художников, обратившихся национальной проблематике: скульптор Иоганнес Зоммер на Алтае и Михаил Диетергейф из Нижнего Тагила.

Почти отсутствует сегодня национальная музыка. Объясняется это отсутствием талантов невозможно: склад музиков немецкого происхождения в советскую культуру и после войны заменили достаточно называемыми Г. Гейгаузом, С. Рихтером, Р. Кернером, А. Шнитке.

Есть у нас сегодня и театр (до войны было пять). Однако в условиях, когда у двухмиллионного народа в течение 48 лет не имел ни одной национальной школы, среднего или высшего учебного заведения, когда многие утратили родной язык, когда не готовятся кадры национальной интеллигенции, когда только в последние годы начата возрождаться художественная самодеятельность, отсутствовавшая до этого времени — одному театру, несмотря на все его мужество, невозможно и в малой степени устранить тот огромный дефицит, который образовался у советских немцев в сфере удовлетворения культурных запросов.

— Но судьба литературы сложилась, кажется, исключительно благополучной!

— Не таком феноменом — пожалуй. Однако насколько можете судить сами. Дело в том, что с 1941 года по 1955 год у советских немцев не было даже своих газет. Сейчас у нас из трех центральных в Москве, Казахстане и мажайланах на Алтае. Вот эти три газеты, в то же время, ежедневные литературные страницы в них, и всплыли до 1981 года единственный «базой» нашей литературы. Впрочем, и литература удерживалась в рамках газетной литературы не только скучными возможностями для публикаций, но и газетной тематикой. Ибо запреты на отражение в ней истории народа, его жизни, его проблем были просто непрерывны. Газетные «площадки» определяли и развитие жанров: в основном рассказы и стихи. В 1981 году был создан журнал «Хайматлихе вайтен» (Хайматлихе вайтен). Хотя он до сих пор выходит всего два раза в год (пробить четырех-, шестиразовый выпуск не удается), в нем за 8 лет опубликовано романов и повестей несколько раз больше, чем за все предшествовавшие 40 лет. Но прописанная ему способность не соответствует напору литературы. Писатели годами ждут публикации своих произведений. То же самое с выходом их

вательнице его творчества И. Н. Соловьеву-Волынскому, чтобы подготовить о нем отдельную статью, ибо даже то немногое, что осталось из его творчества, представляет, по-моему, большую ценность для всего советского изобразительного искусства, и оно должно быть сохранено для нашей страны.

После репрессий тридцатых годов труда-мини у нас осталось в живых всего несколько художников (и когда благодаря «заказам» жанконтрактов лагерей) и писателей. Типинина судьба наших художников после войны — работа оформляемых на предприятиях: писать лозунги, плакаты, оформлять стенды. Сегодня у нас около двадцати художников, однако национального в их творчестве мало даже в тематике. Это неудивительно, так как трагическая судьба советских немцев, их проблемы последовавшей эпохи были до последнего времени запрещены во всех видах творчества. За это пока только двух художников, обратившихся национальной проблематике: скульптор Иоганнес Зоммер на Алтае и Михаил Диетергейф из Нижнего Тагила.

Почти отсутствует сегодня национальная музыка. Объясняется это отсутствием талантов невозможно: склад музиков немецкого происхождения в советскую культуру и после войны заменили достаточно называемыми Г. Гейгаузом, С. Рихтером, Р. Кернером, А. Шнитке.

Есть у нас сегодня и театр (до войны было пять). Однако в условиях, когда у двухмиллионного народа в течение 48 лет не имел ни одной национальной школы, среднего или высшего учебного заведения, когда многие утратили родной язык, когда не готовятся кадры национальной интеллигенции, когда только в последние годы начата возрождаться художественная самодеятельность, отсутствовавшая до этого времени — одному театру, несмотря на все его мужество, невозможно и в малой степени устранить тот огромный дефицит, который образовался у советских немцев в сфере удовлетворения культурных запросов.

— Но судьба литературы сложилась, кажется, исключительно благополучной!

— Не таком феноменом — пожалуй. Однако насколько можете судить сами. Дело в том, что с 1941 года по 1955 год у советских немцев не было даже своих газет. Сейчас у нас из трех центральных в Москве, Казахстане и мажайланах на Алтае. Вот эти три газеты, в то же время, ежедневные литературные страницы в них, и всплыли до 1981 года единственный «базой» нашей литературы. Впрочем, и литература удерживалась в рамках газетной литературы не только скучными возможностями для публикаций, но и газетной тематикой. Ибо запреты на отражение в ней истории народа, его жизни, его проблем были просто непрерывны. Газетные «площадки» определяли и развитие жанров: в основном рассказы и стихи. В 1981 году был создан журнал «Хайматлихе вайтен» (Хайматлихе вайтен). Хотя он до сих пор выходит всего два раза в год (пробить четырех-, шестиразовый выпуск не удается), в нем за 8 лет опубликовано романов и повестей несколько раз больше, чем за все предшествовавшие 40 лет. Но прописанная ему способность не соответствует напору литературы. Писатели годами ждут публикации своих произведений. То же самое с выходом их

вательнице его творчества И. Н. Соловьеву-Волынскому, чтобы подготовить о нем отдельную статью, ибо даже то немногое, что осталось из его творчества, представляет, по-моему, большую ценность для всего советского изобразительного искусства, и оно должно быть сохранено для нашей страны.

После репрессий тридцатых годов труда-мини у нас осталось в живых всего несколько художников (и когда благодаря «заказам» жанконтрактов лагерей) и писателей. Типинина судьба наших художников после войны — работа оформляемых на предприятиях: писать лозунги, плакаты, оформлять стенды. Сегодня у нас около двадцати художников, однако национального в их творчестве мало даже в тематике. Это неудивительно, так как трагическая судьба советских немцев, их проблемы последовавшей эпохи были до последнего времени запрещены во всех видах творчества. За это пока только двух художников, обратившихся национальной проблематике: скульптор Иоганнес Зоммер на Алтае и Михаил Диетергейф из Нижнего Тагила.

Почти отсутствует сегодня национальная музыка. Объясняется это отсутствием талантов невозможно: склад музиков немецкого происхождения в советскую культуру и после войны заменили достаточно называемыми Г. Гейгаузом, С. Рихтером, Р. Кернером, А. Шнитке.

Есть у нас сегодня и театр (до войны было пять). Однако в условиях, когда у двухмиллионного народа в течение 48 лет не имел ни одной национальной школы, среднего или высшего учебного заведения, когда многие утратили родной язык, когда не готовятся кадры национальной интеллигенции, когда только в последние годы начата возрождаться художественная самодеятельность, отсутствовавшая до этого времени — одному театру, несмотря на все его мужество, невозможно и в малой степени устранить тот огромный дефицит, который образовался у советских немцев в сфере удовлетворения культурных запросов.

— Но судьба литературы сложилась, кажется, исключительно благополучной!

— Не таком феноменом — пожалуй. Однако насколько можете судить сами. Дело в том, что с 1941 года по 1955 год у советских немцев не было даже своих газет. Сейчас у нас из трех центральных в Москве, Казахстане и мажайланах на Алтае. Вот эти три газеты, в то же время, ежедневные литературные страницы в них, и всплыли до 1981 года единственный «базой» нашей литературы. Впрочем, и литература удерживалась в рамках газетной литературы не только скучными возможностями для публикаций, но и газетной тематикой. Ибо запреты на отражение в ней истории народа, его жизни, его проблем были просто непрерывны. Газетные «площадки» определяли и развитие жанров: в основном рассказы и стихи. В 1981 году был создан журнал «Хайматлихе вайтен» (Хайматлихе вайтен). Хотя он до сих пор выходит всего два раза в год (пробить четырех

Я был свидетелем (конечно, только по телевидению) почти всех заседаний Съезда народных депутатов. Это были действительно беспримерные дни. За долгую жизнь бывшего газетного репортера я повидал немало заседаний в Кремле. И вот что поразило меня на этот раз. Сказуя вразумив, вразброн.

Первое—то, что министры и прочие высокопоставленные деятели государства не возникали пышно на сцене, усаживаясь под гротескные скамьи за столы на заранее определенные, согласно высотам их рангов, места, а размешались где-то скромно, вверху, да еще так, что порой заслоняли друг друга.

Затем—самое поведение депутатов в зале. Десятитысячные и притушенные к терпимому достоинству, равнодушному выражению их глаз. К их неподвижности, даже к некоей полуудроте.

А тут и увидел (пока, конечно, по телевидению) действительно депутатов народа, горючих и сознательных, готовых на самом деле, не только по статусу вмещаться в трудный ход государственных дел. Кстати, я решительно не согласен с теми, кто гневали выкрики с мест и разной жаркой реагированием на речи ораторов. Это и есть истинный парламентаризм, он, конечно же, не в гранитном молчании. Каменность несторов, глаз в единодушии — всего этого мы достаточно повидали.

Споры, неоднозначность, полемика, достигавшая иногда вершины настоящей бури, — именно это и необходимо нашему парламентаризму, а не безгласное сидение по рядам в окончании обеденного перерыва.

И, наконец, удивили неожиданные для меня государственная, политическая, общественная уверенность и широта, настойчивая убежденность, горячность и играя боль выступлений большинства депутатов. Сколько раз я читал о великом росте политического сознания широких народных масс, но, приученные смолою и многими пустыми словами, никогда взаимодействие не верил этому. И вот она наглядно, на слух, прекрасно и неоспоримо. Беда богослужения и самопохвал.

Хотя кое-что, если честно, еще сохранилось: вот, например, с какой быстрой последней готовностью депутаты голосуют вслед за президиумом, порой поднимали мандаты, ни без удивления и даже насмешки поглядывая на тех, кто голосовал против.

И все же есть, есть (и немало) те, кто голосовал против. В том, что я видел, — удивительное смешение старых обычая, жертвоприношительных ритуалов, яростных, вспыхивающих, шатмовых, с тем — подозрительным, искренним, бурным, что являет собой демократия — не плачущая, настороженная, в запахах жизни и настоящих требований и нужд, только родившиеся и пробившие себе путь в этот ذات сквозь столько запретов, замков, колючих проволок, лесополос, несчастий, которые в силах были одолеть лишь народ, действительное устремленное в будущее.

Раньше власть болела только вымощающей властью. Отныне, остается в горячей надежде, она будет болеть народом.

Долгий путь! Я — очевидец немалого на этом пути. И есть у меня кое-какие заметки по этому поводу.

В НАШИ дни распространена и охотно плодится уверенность в том, что граждане тридцати семи и послевоенных лет не знали об ужасах Лубянки и концлагерей. Не знали о мучителях в пытках.

Как человек, отмавший наш век с начала до конца, могу заявить: это не так. Честно? Знали. Еще честнее? Нередко в подробностях, показывая, как исключили тех, что казались невероятными.

Знали и говорили друг с другом об этом, добираясь порой даже и суждениями о власти. Или во всяком случае и окрестностях власти. Но сплошн. То было время шепота. Артистизм кипела. Мастерство притворствования. Оно еще ждет своих исследователей и расшифровщиков.

Ведь даже пылающее, упакованное, скажем школлярским этикеткам, обреченное на постоянное заклинание — искусство тех лет (иначе во многом сделанное на антресолях) освоило сложнейшее мастерство иносказаний, намеков, многозначений, когда читатель (зритель) видит сквозь призму знакомого и позволяющего нечто такое, что совсем необычно и никак не разрешено. Оно просачивалось иной раз далеко за рамки того, что читателю (зрителю) допущено знать. Искусство (уж такова его суть) тануло и в то время туда, куда стражники воспрещено тануть. И даже, было, дотянулось. Но не совсем, но поблизости. Где-то под боком. Рядом. Почти.

Это было смертельно опасно для автора. И приемы, и способы, какими искусством в те годы отбивалась от опасности, достойно глубоко-го изучения. Конечно, не менее пристального, нежели то, что отлучилось за рубежи и возвратилось теперь с триумфом на родные просторы.

В целом же это была пора горячо одобряемых и энергично вдохновленных творцами маленьких романов и драм впередику с блистательными эпилогами отдельных творений, с трудом прорывавшихся наружу. Пестро, струйное, разношерстное время.

Именно то, когда обстоятельства привели меня в работу в кино.

И вот как близкий свидетель тех лет могу утверждать, что среди двинувшихся сия Истории, установленных академиями науки, искусства и марксизма, выпала из академической видимости такая стерильная в даже решающей пружине, как страх. А ведь для прояснения стольких загадок, тайн, несурзаных непростой нашей жизни надо прежде всего уяснить себе все значение страха. Всеобщность, повышенность его. Страх, который проник во все щели, бреши, суставы, руководил убеждениями, управ-

лял министерствами, контролировал буквами, чернилами. Инструктировал речи, поучал генеров, за-ведовал дипломатами, прокурорами и работниками ЦК.

Это он научил беспримерный народ умению притворяться, изображать добросовестность, имитировать правду, всегда, даже в шлепанцах, быть, как на сцене. С утра и до сна шел спектакль. Играли единство, покорность, аплодисменты, внимание к человеку, доброту, милосердие, благородство. Изображали восторг и счастье. Страх создал поводки начальствования, его неприменимость, шутки, доказывали, его покровительственную небрежность, тучность мыслей и животов. Не стало ни веры, ни друзей, ни преданности без страха.

И теперь, коли спросят меня по совести сказать то, что препятствует перestroйке, я бы (если сказать по-честному) первым номером называл страх. Страх, как бы перестройка, надо прибоядить. Подмоговать. Особенно со своим карманом. Почекать в затылок.

Чтобы придется рассчитываться самому. Свой монетами. Не государственными, а кровными. За безделы — кровными, за халатность — кровными. И даже за перекуры. Пренди, в застойные (счастливые) дни можно было всю жизнь играть в усердие, трудолюбие, добросовестность, перевыполнение. И играли спектакль, который длился годами — от пропускных будок до вращающихся кабинетов, внизу, вверху, скобу. Всюду пестрели люди, которые знали кружение, правила, тонасти и слова этой игры. Уставы успехов и перевыполнения.

А теперь, и вправду, как кажется, надо выполнить. Действительно (не в общих собраниях) переживать, если плохо. Не приниматься жить без вранья и ретуши, своим риском, карманом, энергией, предпринимчивостью. Отвечать за все. Ну с этим, братцы, надо прибоядить. Подмоговать. Особенно со своим карманом. Почекать в затылок.

Это во-вторых.

Чтобы на любой галс по мановению тех, кто властел сегодня. Нужны личности. Смелые, энергичные, решительные, берущие на себя труд и ответственность, достижения и провалы. Те, кто отваживается дерзать, рисковать. Тот, кто осмелился сам себе постановлять. И постановив, выполнить.

Мы сделались вправду колесиками в работе, мыслих, висках, поступках, даже в дворцах для бракосочетаний. Всюду мы ждем указаний и с жаждой владычества в передовицах газет — дана ли уча команда или пока еще нет? Мы как бы пункты похвального поведения в правилах уличного движения. А ведь все решительное, новое, кознившее вне правил. Поверх канонов. Иначе — глупое время, мертвый сезон.

Недаром уже и на перестройку налипло не мало прежнего: ложь, показуха, прописки, взаимоизменение и фальши.

Массы были главным героем в нашем искусстве, когда я начинала работать в кино. Борьба

ухлопаны годы — те самые, когда активно, сбились и сплотились, трудились киношники моих лет. Пусть нам воздастся сполна за наши грехи, но не забывайте и то, что все-таки это мы прорвали безличность и обнаружили, что среди геронтических глыб дышит, радуется, мечется, вспыхивает, любит и помирает отдельный человек, который — плох он или хороший, враг или друг — все же самое главное и удивительное и необъяснимое из всего, что существует на свете.

В последнее время это, пожалуй, усвоено. Открылась беспримерная эра. Все она для искусства раскрыты. И двери, конторы, подвалы, кладовки. Естественно, что первыми сквозь занавесы хлынули (и с огромным успехом) склонные к взятым, убийцам, ловчакам, проблемам и загадкам сенса. Надо ли насмехаться над этим успехом? Нимадо. Он закономерен: прекрасно.

Но значит ли, что этим исчерпываются все возможности для киноискусства, которые принесла перестройка? Следует ли аванту (кроме коммерческого) и дальше следовать этим путем? Я полагаю, все-таки нет, надо попротивиться. Разберемся. Долгие годы главным героям экрана была власть, даже если она ставилась за кадром. Безгрешная, мудрая, всегда побеждающая. Мое поколение в кино призвано было воспеть власть. Святость власти. Строгий, но справедливый. Ласковый, но карающий. И неизменно нелепицентной и все налаживающей в завершение фильма. Безд этого не могло существовать ни ленты, ни автора.

Задача искусства была ясна и неоспорима — восхваление государства, его святости, дальности, умение управлять, строить, канализировать, города, истреблять врагов, раскрывать пределы, растирать урожай, переделывать человека. Отсюда пронстекала еще одна задача, свалившаяся на моих киносверстников: показать в каждом произведении, ибо яко-бы в жизни существовал везде. Все его видели. Повсюду.

Но только художник, если не привыкал, никак не мог его увидеть, поймать на перо и пленку. Он рождалась бесцветным и недонесенным, хотя роды происходили в самых стерильных, престинских родильных домах. Может быть, именно потому, что был полонительным и на раз так им, как на нее наставляло начальство. А ведь истинно полонительное не лежит собой далее не одни достоинства. В нем полноценное несторогое, разнобойное, ритмичное, разлады, разделы, навязанные наездами и чувствами. Но едва автор пытался не только показать, но даже намекнуть на неизвестность тех, кто по правилам нашей поэтики называл бы примером, как без задорин следовало то, о чем вспоминают несожжены. Между тем как раз именно эту неизвестность, неспокойствие, сомнения, нерешительность в положительном и следует показать искусству. Особенно в дни перестройки. Это будет и правдой, и современностью.

И искусства времен перестройки — это, конечно, не только обилье сенсаций и разоблачений, но в основном и главном — пристальный, честный и умный анализ перерастания безличного в личность. От долгой спячки — к разбудженному общественному сознанию. Но сразу, не вдруг по приказу автора, находящего постыдиться не отстань. Нет, ведь мудрый, отчаянный, порой провальный процесс этого прорастания. Ползком выбирется человек из беззлобия, равнодушия, деревенской остылости, из ничего. Долгий, отчаянный путь в новое, усыпанное обрывками старых привычек и ритуалов. Люди по виду восторженные, однако почесывающие затылок. Это понятно: ведь знали мы (зато называем) только инсинуированную, заспиртованную, голую мыслисту воображеню, Фельдфебельскую единство. Сколько же неоглядного, безответного надеяния сейчас переломит в себе, чтобы стать грандиозным.

Именно эту громаду того, что происходит сегодня в душе, повидавших, слыхах советского человека, это соединение рывков и застылок, бега и спотыканьи, этот нравственный поворот во всей его сложности, пугающие разорванные, подлаяживающие, взлетают, прятавшиеся и склоняющиеся, и надо раскрывать сегодняшнему экрану. Все глубже и глубже. Проникновенней и человечней. Пронзительней и острой.

Небытый простор, беспримерный, дарованный судьбой художнику целины! Сокиет бескрайних обрывков!

Но именно их-то как раз оказалось непод силы всем волшебникам. Впрочем, не слишком ли многое мы хотим от экрана? Поставим эксперимент: попробуйте — расскажите о нашем времени! Безд шуток, уловок и тринакрий. Все как есть. Попытайтесь.

Сужу по себе. Вот я пишу сейчас вещь о своем. И вот всю дорогу меня как бы кто-то дергает за пальцы: нельзя, не пройдет.

— Пройдет! — говорю я себе. — Не те времена, сейчас все пройдет.

— Нет, не верю.

Не верят. Чему? Да многому. И тому, что прошлое позади. Что поднимается новое, неизвестное. Что нет и не будет снова нызкать тормоза.

Да и сам я (если начистоту) не уверен. А вдруг крутанется? Что? Как? Не знаю, ни вдруг? Ведь каждому надо столько в себе поменять: привычки, оценки, зрение, слух, погоду, улыбки, изгибы души и изгибы спины.

А может, и саму душу.

Фото Е. Хайдек.

Евгений Габрилович, Герой Социалистического Труда

ИЗГИБЫ ДУШИ И ИЗГИБЫ СПИНЫ

А ведь точно: несрвенно расширились в национальных рамках для каждого из них для открытия. Даже на телевидении слышали то, к чему, неизвестно на все уверти, нельзя было прислушаться. Можно открыто говорить, писать и даже кричать о растрахах, тюремщиках, взяточниках-министрах и проворовавшихся родственниках верховных особ. Правда, не очень понятно, до каких высот и теперь можно доходить. Мне кажется, что и сами высоты предстоит здесь в некотором недоведении.

Стало хрустально ясно: не по сердцу массам гражданам вся эта рать начальников с ее кабинетами, недоступностью и специальностью, все эти ураганы бумаг, резолюции, лакейства и высокомерия, эти речи с вялыми, бесцветными траурными.

Не тем ли, кстати сказать, объясняются некоторые результаты прошедших выборов?

ДЕСЯТИНАМИ лет жил национальный человек в условиях, когда все решалось помимо него. — от войны до институций о том, что полезно ему и что вредно. Начальники, директрисы, герои, предатели — все это вспыхивало вдруг и спускалось к нему нежданно-негаданно. Откуда они — те, кто командовал? Кто они? Почему эти, а не другие? никто, кроме грядки, на которой они расцвели, толком не знал о них ничего. Почему эти, а не другие? Потом они исчезли столь же внезапно. И вновь не знали о них ничего.

Не этим ли прежде всего объясняются победы на многих выборах тех, кто беззаботен, яростен и смел, требует выбирать бюрократов с их лежицами. Высверлить их. Отстранить от работы.

К тому же мы не вполне уяснили себе феномен перестройки для гражданина, который годами привыкал к тому, чтобы подчиняться не только высоким Пленумам, но каждой строчке в районной газете.

— Как? — спрашивается такой приуроченный к перестройке.

— Понимаю, — говорит мне притворенный. — Остыви. Помешали и возвратятся. Говорить — говори, а делать, как дела. Знаешь новость? Димитрий Метельский расплывался с нее!

Не знал, что такое это было. Слышал, что вспыхнула вспышка, — говорит мне притворенный. — Остыви. Помешали и возвратятся. Говорить — говори, а делать, как дела. Знаешь новость? Димитрий Метельский расплывался с нее!

Впрочем, были потом кое-какие поправки и уточнения, но, как кажется, это от испуга, случайно.

— Ладно, слыхали! — говорит мне притворенный. — Остыви. Помешали и возвратятся. Говорить — говори, а делать, как дела. Знаешь новость? Димитрий Метельский расплывался с нее!

Возрастные — мало таких, кто в наши дни сознательно жалеет о нем.

Возрастные — мало таких, кто в наши дни сознательно жалеет о нем.

Возрастные — мало таких, кто в наши дни сознательно жалеет о нем.

Возрастные — мало таких, кто в наши дни сознательно жалеет о нем.

Возрастные — мало таких, кто в наши дни сознательно жалеет о нем.

Возрастные — мало таких, кто в

Мы вложили подошли к сложному событию в истории культуры XX века — к 100-летию со дня рождения Веры Игнатьевны Мухиной. С октября 1988 года «Советская культура» не раз выступала в защиту ее главного творения — группы «Рабочий и колхозница», ставшего по праву символом социалистического государства. Когда-то, на заре революции, было решено соорудить памятник «Освобожденному труду». Составлялся его закладка, в церемонии участвовал В. И. Ленин. Гуманистические заметы тех лет включала в себя газета «Б. И. Мухина, одна из участниц ленинского плана монументальной пропаганды. Ее «Рабочий и колхозница» вобрала в себя общечеловеческие идеалы людей труда, социалистического перехода жизни.

Вычес дальнейшее существование замечательной скульптуры оказалось под угрозой. Программа «Фермы-каркасы», несущая нерважающую сталь, из которой изготовлены в 1937 году «Рабочего и колхозницу». Специалисты гуманитарные говорят о том, что лет десять группа, пожалуй, «продолжится». А дальше? Пока ответа нет. Выданные мастера изобразительного искусства и архитекторы уверяют, что скульптура постепенно потеряет, что ей надобно смыть в столице пристойное место, исходя из ее образной эмоциональности. Но... ответа нет.

В канун юбилея представляется внимание читателей выдержки из многостраничных переписок соратников Веры Игнатьевны по созданию «Рабочего и колхозницы».

Событийная сторона сбережения публикации писем едва ли нуждается в комментарии. Это повествование о том, как взялся в бюрократическом болоте сякое дело — дело спасения художественного символа нашего государства.

Ценность писем состоит в том, что они могут принести большую пользу в исследовании современного состояния статуи, а также в разработке методики и технологии ее восстановления (здесь, в сокращенном варианте первенцы, эти вопросы освещаются фрагментарно). Есть еще один аспект данной публикации — человеческий. Авторы писем замечательные люди, до последнего своего дня преданные делу спасения статуи: скульпторы Нина Германовна Зеленская и Зинаида Григорьевна Неизвестная, долгие годы проработавшие под руководством В. И. Мухиной, помогавшие ей в создании групппы «Рабочий и колхозница»; крупнейший специалист в области электротехники, доктор технических наук Петр Николаевич Львов, начавший руководством работ по постройке статуи из переживающей сталь; генерал-майор инженерно-технической службы Анатолий Александрович Приходян и подполковник-инженер Николай Александрович Журавлев, проектировщики конструкций скульптурной группы.

Люди немолодые, а то и вовсе преклонного возраста и плохого здоровья. Они не ограничиваются профессиональным обсуждением вопроса друг с другом. Они действуют: обращаются с добастиями в различные, включая самые высокие, инстанции, и получают ответы, то обретают надежду, то впадают в отчаяние. Неоднократно на прохождении долгих четырнадцати лет авторы посланы радостью тому, что дело сдвигнулось с мертвой точки, а поняли, что из надежды пока напрасны, не опускают руки. Инженеры разрабатывают конкретные предложения по вопросам реставрации и передвижения статуи, советуют друг с другом, воссоздавая ясную картину того, как скульптура создавалась первоначально. Никоим образом неизменными являются знания тружеников прошлого поколения. Поданные интеллигенты, они пытаются объяснить чиновникам, что сила образа коренится в осуществлении на деле принципа двух искусств — скульптуры и архитектуры — в примере подобного рода в мировом искусстве. Статую «Рабочий и колхозница» они называют неизменно умилительно, с большой буквой — «Группой». И как подобно им стражи стариной, принял личное участие в ее восстановлении. Но каждый раз надежды оказываются густыми.

За время переписки борцов за спасение статуи становятся все меньше. В 1976 году уходит из жизни Б. И. Нофар и П. Н. Львов, в 1979 — А. А. Приходян и З. Г. Некрасова. Остаются двое — Н. Г. Зеленская и Н. А. Журавлев, которые входят в свой смерти (оба скончались в 1986 году) не перестали быть за дело реставрации и переноса скульптурной группы, выкладываясь в горле по поводу несущественности их места всем тем, кому довелось общаться с ними в их последние годы.

Еще горше становится от осознания того, что катастрофическое положение, в котором находится статуя сейчас, дождемся ли мы каких-либо изменений в ее судьбе?

О. КОСТИНА,
искусствовед.

ПИСЬМА БЕЗ ОТВЕТА

30.10.64 г. Н. Г. Зеленская, З. Г. Неизвестная — А. А. Приходян.

Дорогой Анатолий Александрович! Спешим сообщить Вам наши новости. Мы знаем, что мы писали... и, представьте, что, видимо, это было не зря. Мы... добились того товарища, которому указано было позвонить. Разговор был краткий, но не лишенный интереса. Оказывается, что еще Ленин добивался памятника «Труду», и Веру Игнатьевну также привлекла участие в конкурсе. Но ничего в то время не могли отпорить из представленных работ. Так вот, эту группу и хотят поставить как памятник «Труду».

6.12.65 г. Н. Г. Зеленская — А. А. Приходян.
...Представьте себе, что о перевозе и подъеме группы начинают конкретно говорить у нас в МКС, Моссовете и Мин. культуры, в связи с 50-летием. Начинают уже интересоваться стоимостью всех работ. У нас есть ориентировочная смета, составленная Петром Николаевичем...

Смета П. Н. вышла в сумму 70 000 руб., но он начал сомневаться, что теперь никакие расходы якобы уже не 100%, а больше, и что Вы это лучше знаете. Конечно, большими суммами тоже не очень-то хорошо пугать. Правда, Вучетич никого не пугает и миллионы.

6.02.66 г. Н. Г. Зеленская — А. А. Приходян.
...Борис Михайлович выбирал нас и себя на целый день... для общей совместной проработки его эскизов... Он даже забыл о своих болезнях, которые в основном на почве нервов и одиночества (творческого). Вот побывали мы да Вы, и сразу он окрылился. Ему на дух привнесут два макета: Маникюра площади и Калужской заставы, тогда все будет видно...

21.04.66 г. Н. Г. Зеленская — А. А. Приходян.
...мы пошли с Борисом Михайловичем и начальником ГлавАПУ Фомину, от которого зависят ускорение вопроса о решении места, на котором должна стоять группа. Мы пришли и сказали с Зинайдой Григорьевной, что уже SOS, т. к. времени всего 1½ года до 50-летия, а вопрос «о месте ни с места»... Разговор продолжался семь минут, в течение которых Борис Михайлович не открыл рта, сразу же ему следило плохо с сердцем, его позвали домой и вызвали неотложку... Разговор имел хорошие последствия, так как болеемелое начальство уже говорило твердо и убежденно, что надо действовать конкретно. Как будто машина завертелась.

1968 г. А. А. Приходян — Н. Г. Зеленской и З. Г. Неизвестной.
...Если удастся восстановить павильон с Группой, то это будет и лучшим памятником, и лучшей данью памяти Веры Игнатьевны.

Не могу удержаться, чтобы не добавить к слову «неугодные», которое в общем-то правильно характеризует ваше поведение, еще слово «чудесные». Дай Бог вам здоровья и бодрости на долгие годы...

4.05.69 г. Н. Г. Зеленская — А. А. Приходян.

...Зинайде Григорьевне пришла очень простая... мысль сделать две снимки: 1 — наш павильон в Париже и 2 — абсолютно в том же масштабе фигура в Москве. Мы их склонили в одну линию по длини почвы, и тут выяснилась вся нелепая чудовищность московского пьедестала. Всем стало ясно в одну минуту... что надо строить весь павильон. Уговаривать никого не пришлося, ни Промыслову, ни архитекторов из АПУ. На словах (а не на деле) звучало: «Надо восстанавливать павильон!» У Промыслова Зин. Григ. была в январе 1968 г., и от тут же для расположение своему заместителю Сизову в ближайшее время со-брать архитекторов из АПУ и нас, скульпторов, чтобы решить, где лучше всего разместить павильон... Казалось бы, все хорошо идет, но... Сизов не удосужился нас собрать целый год и 3 месяца. За это время мы... поехали на ВДНХ, чтобы еще раз посмотреть, где и что подходит нам на той территории, и узнали от них, что уже есть постановление Совета Министров о постройке Монреальского павильона ЭКСПО-68 и где бы Вы думали? В ходе нашей группы... Но мы нашли другое совершенно идентичное место, очень недалеко от этого, в именно по линии теперешнего главного входа... Тут нам пришла мысль обратиться к Фурцевой ввиду того, что 1го июля этого года исполняется 80 лет со дня рождения Веры Игнатьевны... Екатерина Алексеевна дала свое согласие нас принять... мы были ей очень, очень хорошо прияты. Тут же при нас позвонила Промыслова. Вежливо, но серьезно наддала ему и его аппарату... словом, все оказалось возможным. И павильон строить надо обязательно, и места

лучшего не сыщешь. Фурцева сказала, что павильон ей страшно нужен для выставок.

17.12.72 г. Н. Г. Львов — А. А. Приходян.
...следствие неграмотной разборки скульптуры в Париже вся оболочка была изнутри до неузнаваемости, от первой скульптуры остались только голова, кисти рук и сердце, а также первичный (меланжевый) каркас. Все же осталенное было изготовлено в 1939 году заново...

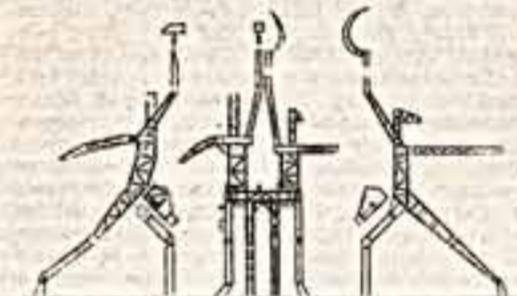
11.02.75 г. Н. А. Журавлев — А. А. Приходян.

Как Вам, павильон, уже известно из Вашего разговора с Петром Николаевичем, у нас с Вами вновь появилось общее дело... Мы с Петром Николаевичем надумали возбудить вопрос о переносе статуи на новый высокий пьедестал и решили обратиться с письмом к тов. Брежневу Л. И...

Одновременно с письмом к тов. Брежневу мы хотим разослать фотокопии рисунка по всем инстанциям, связанным с решением вопроса о переносе статуи, а именно: председателю Олимпиады К. Т. Мазурову, председателю Комитета по физкультуре и спорту С. П. Павлову, министру культуры СССР П. Н. Демченчу, председателю исполнкома Моссовета В. Ф. Промыслову, президенту АХ СССР Н. В. Томскому, а также в редакции органов печати... Мы думаем, что такое масштабное будоражение этого вопроса будет способствовать его скорейшему решению.

...Петр Николаевич, несмотря на плохое состояние здоровья (у него частые сердечные приступы), настроен по-боевому и, по-видимому, собирается принять активное участие в возобновлении работ по статуе, отдавая свою большую опыт и знания. Приходится просто удивляться, как он, потеряв зрение, при подорванном здоровье, имея весьма почтенный возраст, сохранил такую бодрость, светлый ум и хорошую память.

...Мы с Вами — немногие последние из монголов, строителей необычной статуи. Может быть, кое в чем еще и пригодимся.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
тov. БРЕЖНЕВУ Л. И.

(вариант письма, подготовленный А. А. Приходяном в феврале 1975 г.)

...Сейчас Москва начинает готовиться к Олимпийским играм. На подготовку будут ассигнованы средства для строительства различных сооружений. Мы предлагаем в число этих сооружений включить строительство выставочного павильона — такого же, как был сооружен в Париже в 1937 году, или аналогичного ему по архитектурному замыслу, и по окончании строительства перенести на него скульптурную группу.

7.05.75 г. Н. А. Журавлев — А. А. Приходян.

...К Дню Победы, с которым я Вас поздравляю, мы имеем подарок в виде письма... Кончик этого письма я Вам показываю. Петр Николаевич, видимо, очень доволен и называет воздвигнуть эту скульптурную Группу в комплексе со спортивными сооружениями в Лужниках на Ленинских горах, по оси главного стадиона так, чтобы она возвышалась на высоком берегу Москвы-реки лицом к Москве... в общем, наше дело зашевелилось. Будем ждать результатов.

Нач. Управления спортивных сооружений
В. И. Иванов.

9.06.75 г. Н. А. Журавлев — А. А. Приходян.

...К Дню Победы, с которым я Вас поздравляю, мы имеем подарок в виде письма... Кончик этого письма я Вам показываю. Петр Николаевич, видимо, очень доволен и называет воздвигнуть эту скульптурную Группу в комплексе со спортивными сооружениями в Лужниках на Ленинских горах, по оси главного стадиона так, чтобы она возвышалась на высоком берегу Москвы-реки лицом к Москве... в общем, наше дело зашевелилось. Будем ждать результатов.

9.06.75 г. З. Г. Неизвестная — А. А. Приходян.

Совершенно неожиданно за это дело взялись Общество охраны памятников Дзержинского района. Они вызвали... рабочего инженера, члена общества, нас и др. Хотели подняться по железной лестнице к основанию ног, но она так проржавела, что стала разваливаться. Пришлось позвать рабочего с деревянной лестницей, по которой комиссия и поднялась. Под ногами старые доски все прогнулись. Пришлось комиссии сверху удалить. Опасно. Если павильон не зашевелился, то что же превратился первичный железный каркас, который при помощи уголков держит поверхность изображения фигур?

13.06.75 г. Н. А. Приходян — Н. Г. Зеленской.

...все определяющим, решающим положение, по-видимому, должно стать: перенести или не перенести Группу. Будет ли строиться новый пьедестал-павильон или пьедестал останется прежний, и возникнет проблема только консервации или замены конструкций.

В первом случае — вопросы консервации... будут решаться вместе с переносом Группы; во втором случае — опять же после тщательного изучения состояния конструкции — консервацию можно осуществлять различными путями, в том числе не исключено, например, обтекание всех внутренних металлических конструкций (за исключением горизонтальных элементов: шарфа и двух рук), превращение металлической Группы в железнобетонную.

Если это делать с умом, то рельеф поверхности может быть безусловно сохранен; при этом потребуется дополнительное негодных конструкций и замена их необходимой арматурой. Но все это можно предлагать только после того, как станет ясно, что там внутри.

23.07.75 г. Н. Г. Зеленская — А. А. Приходян.

...Кое-что стало двигаться, но не в том направлении, как нам хотелось бы, то есть... хотят издать постановление о реставрации группы, поднявши ее на высоту (изюмку — не знаем)... оставить на месте. Сами понимаете, что последний пункт не устраивает очень многих. Мы настоятельно требуем, чтобы была сделана предварительная экспертиза внутреннего состояния (пригласите Вас и Журавлева). Нам не говорят «нет», но также не решаются на «да».

Сейчас в отделе ЦК решается дальнейший ход... Мы, сдавши все материалы в ЦК, считаем, что больше пока ничего сделать не можем.

10.08.75 г. Н. Г. Зеленская — А. А. Приходян.

Наконец, можем Вам сообщить некоторые новости. 7.08 нам сообщили из АПУ, что уже подписано постановление Мосгорсплопкома о группе, т. е. о ее реставрации, поднятии и передаче работ НИИ Мостсплопкома с вилами всем авторским коллектива, т. е. скульптором и инженером, но... отсутствуют средства только в 1976 г. т. к. сейчас, мол, поздно. И второе «но» — оставить на старом месте.

17.09.75 г. Из решения исполнкома Моссовета № 2355 «О переносе скульптурной группы «Рабочий и колхозница» по реставрации скульптурной группы «Рабочий и колхозница».

...Возможна обязанность заказчика по проектированию и сооружению нового постамента для скульптурной группы и площадки, на которой она устанавливается, на Главное управление капитального строительства (УКС).

Обязать Главное управление капитального строительства г. Москвы выполнить не позднее

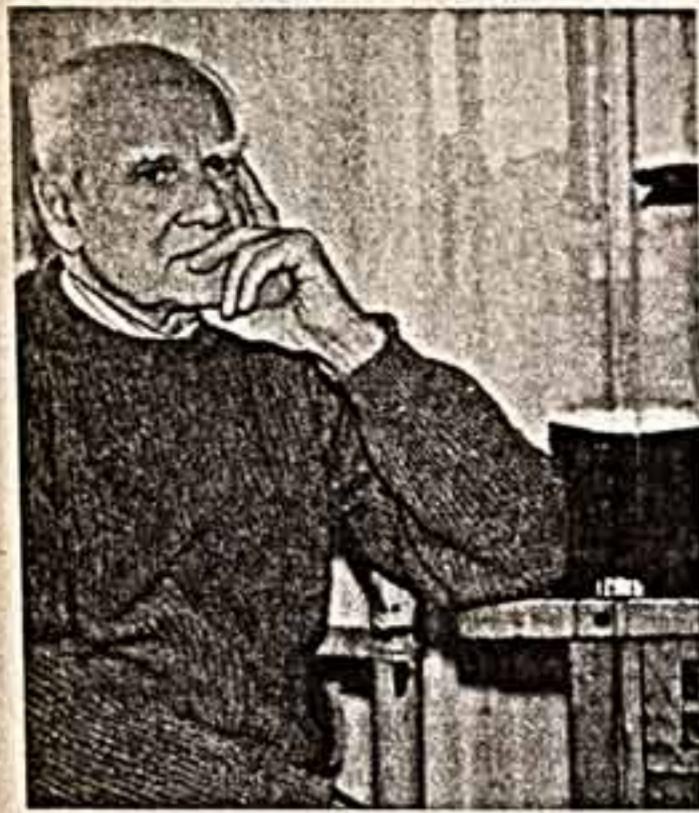
ро-сварки, доктор технических наук Петр Николаевич Львов, начавший руководством работ по постройке статуи из переживающей стали; генерал-майор инженерно-технической службы Анатолий Александрович Приходян и подполковник-инженер Николай Александрович Журавлев, проектировщики конструкций скульптурной группы.

Люди немолодые, а то и вовсе преклонного возраста и плохого здоровья. Они не ограничиваются профессиональным обсуждением вопроса друг с другом. Они действуют: обращаются с добастиями в различные, включая самых высоких, инстанции, и получают ответы, то обретают надежду, то впадают в отчаяние. Неоднократно на прохождении долгих четырнадцати лет авторы посланы радостью тому, что дело сдвигнулось с мертвой точки, а поняли, что из надежды пока напрасны, не опускают руки. Инженеры разрабатывают конкретные предложения по вопросам реставрации и передвижения статуи, советуют друг с другом, воссоздавая ясную картину того, как скульптура создавалась первоначально. Ниже демонстрируются густыми.

За время перепис

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Альберто Моравиа: о себе и о других

Кизинши говорит о том, как широко известно в нашей стране имя крупнейшего итальянского писателя Альберто Моравии, документального фильма. Мы попросили профессора, сотрудника Центра связи с зарубежными странами в Вероне Антонио ФАЛЛИКОНГО поговорить с Альберто Моравиа и от имени «Советской культуры» задать ему несколько вопросов:

ПАСМУРНЫМ днем в на-
значенный час я иду к Альберто Моравии, который живет меня в своей прекрасной квартире на набережной. Встречает на пороге — и даже не успел поступать. Любезно проводит в своей кабинете — стругую, полную воздуха комнату, где все дышит живым творчеством — такая здесь удивительная атмосфера. Поражает неизменная, постоянная расположленность писателя к диалогу, беседе.

— Итог Вашей последней поездки в Москву, о чём будет рассказывать фильм, который Вы сняли? Что для Вашей страны? Какие Вы были интересные встречи, собы-
тия, беседы, что Вы можете сказать о перспективе творчества после того, как увидели ее со-
всю газету?

— Фильм о Москве снимался по заказу итальянского Rai-TV-Радио-Телевидения. Режиссер этой документальной ленты — Джанни Барчелони, с которым я снимал другие картины, напри-
мер документальный фильм

об Эфиопии. Места съемок люди, с которыми мы встре-
тились, Джанни Барчелони выбрал сам во время своей поездки в Москву еще до того,
как мы отправились туда вместе, возможно, он обра-
щался к Министерству культуры СССР, точно не знаю. Фильм рассказывает самые разные вещи. Я тоже время от времени попадаю в мад-
рэе, вроде как бы актер, и по-
ходу действия то что говорю. В частности, когда идут кадры о Мавзолее Ленина, о
могиле Пастернака, о могиле Есенина. Воспроизведены также две мои беседы: одна — с заместителем министра ино-
странных дел, вторая — с министром культуры СССР.

Что касается перестройки, о ней больше узнал из раз-
говоров с самими разными людьми, от них и слышал о том новом, что происходит в Москве и других советских городах. И хотя, я повторяю, в Советском Союзе, на крайней мере в Москве, не про-
шло никаких существен-
ных изменений по сравне-
нию с тем, что я видел здесь два-три года назад, на меня произвела большое впечатле-
ние та свобода, с которой те-
перь разговаривают люди, официальные представители, в тоже искренний тон газет-
ных выступлений. Это мне хотелось подчеркнуть.

— В Москве Вас интересова-
ло, что там связано с именем Бориса Ельцина? Вы лично относились и этому совет-
скому писателю и поэту?

— Я прежде всего посетил дом Пастернака, где сейчас никто не живет, но где, как мне сказали, будет создан его музей.

У Пастернака я знал прежде всего роман «Доктор Живаго». В 1956 году, когда я был в Советском Союзе, я ездил к нему на дачу — он привез меня на завтрак. Помню, я спросил, что он пишет романом однажды врача, о его жизни. Это и был «Доктор Живаго». В тот раз мне показалось, что писатель был удручен нападками, которым подвергалась со стороны своих коллег-сталинистов.

Я думаю, что роман «Доктор Живаго» — прекрасное и значительное произведение. Значительное не потому, что он, этот роман, отразил то важное для России время, а потому, что показал, как думали, что чувствовали в годы войны люди.

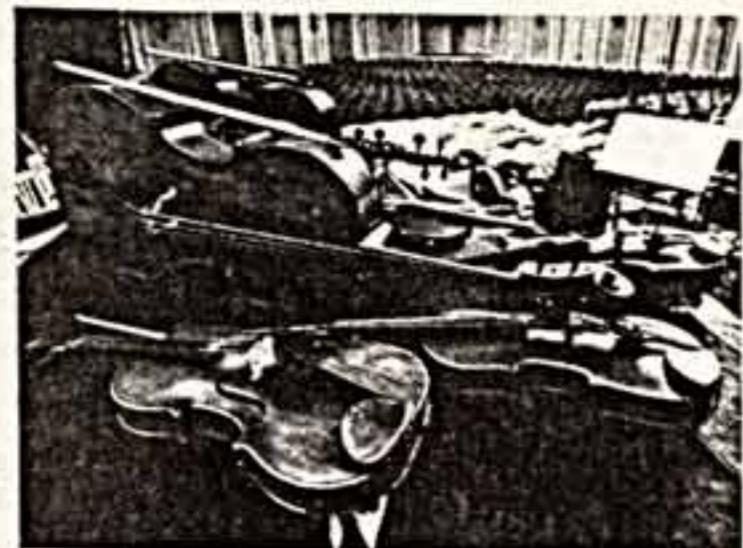
— Главный герой Вашего по-
следнего романа — молодой писатель Марко. Он возвращается домой в Рим и отчу-
тывает, что его отца убили. Однажды он встречается с писателем Марко, который, напоминает ему матеря. В конце концов молодой человек берет отца и увозит его в Италию, чтобы спасти его от смерти, которую предсказал писатель.

— Я не согласен с такой интерпретацией моей книги. Мою книгу я писал, думая, о двух вещах: о трудности образовать семью и о трудности жить в семье. Мне кажется, что показать это удалось. Однако сказанное вовсе не значит, что семья больше не существует. Наоборот, она существует, и заменить ее чем-либо очень трудно. Я хотел только сказать, что от Софона и до наших дней семья всегда была местом трагедий, драм, споров. Об этом рассказывается вся литература, она — свидетельство настоящего положения семьи. Почему так происходит? Потому что семья — это тот самый мирок, то самое ядро, в котором на маленьком «пространстве» с участием небольшого числа действующих лиц «прогрывают» социальные принципы и модели естественных людских отношений. Именно в семье люди различных возрастов должны найти модель социального сосуществования. И несмотря на то, что они разные и принадлежат к разным возрастам, они не должны жалеть друг друга. То есть семья обязательно рождается из табу, табу инстинктов. Именно здесь одна из причин противоречий, драм и всего того, что один называет подозрением, а другой — любовью.

Исходя из этого рассуждения, понятно, почему писатели частенько избрывают объектом своего творчества именно семью, потому что из произведений могут носить драматический характер. Драма не значит деданс, упадок, наоборот, часто дра-

НЕВОСТРЕБОВАННАЯ

На протяжении двух последних десятилетий в концертных афиши исчезают имена известных музыкантов. Никогда и нигде объясняемый этому явлению не доводилось ни читать, ни слышать. Между тем необходимо называть величие своими именами. Музыка мертвых без исполнителей. Исполнители мертвые без слушателей, без аудитории. Одним преодолевая трудности, выдерживают борьбу с сложившимися условиями в пропаганде высокого искусства, другие — «сдаются».

МУЗЫКА

С СЕРДИНЫ шестидесятых годов и до сего дня наша музыкальная культура недостаточно затрагивает своих рядовых и выдающихся деятелей. По разным причинам уехали Кирилл Кондрашин, Рудольф Баршай, Мстислав Ростропович, Владимир Ашkenази, Гидон Кремер, Карине Георгиевна, Андрей Волконский, Илья Грубер, Владимир Фельдман и умно созем недавно — Станислав Бунин и, по договорам, Владимир Вишард, Александр Слободянин, Олег Краско. Список далеко не полный, это только лауреаты крупнейших международных конкурсов, обладатели высоких званий, то есть артисты, которые находились далеко не в худших условиях, творческих и житейских.

Так почему уезжают музыканты? Наносит ли ущерб нашему обществу или «баба с вога — кобыла легче»? Мол, разберемся с хлебом и мясом, жильем и транспортом, не говоря уже об аналогии и преступности, а потом и до музыки дело дойдет... Но, судя по тому, как развиваются события в том замкнутом и забытом мире, можно стало классическое музыкальное искусство, можно и опоздать. История его вынужрит и расскажет, а новые не появятся. Область неравнозначащая неизбежно деградирует, перестает быть привлекательной для молодых. Что же произошло с музыкальным искусством? Почему оно стало не нужным? Процессы, происходящие в музыкальной сфере, были отражением общественных.

РЕВОЛЮЦИЯ и гражданская война вызвали первую волну эмиграции. Уехали многие крупнейшие музыканты, среди которых — Шаляпин, Рахманинов, Метнер, Уэззали и менее значительные, но найди положительного ответа на вопрос, будет ли новое общество испытывать необходимость в музыкальной культуре. С. Рахманинов, такой русский человек и композитор, уехал после того, как у него на глазах разгромили дом, в котором он жил, сожгли рояль. Уехал, далеко не уверенный в признании за рубежом, уехал потому, что потерял почву под ногами. Но даже при полном разрыве с родиной слава его вошла утверждению русского искусства.

В эпоху сталинизма и музыканты примились политика «хунты и призыва». В силу специфической «закодированности» идей и образов в музыке не там определено распознавалось «сигнализацию». Однако их, как и всех остальных деятелей культуры, держали «на коротком поводке». Сталкивалась в искусстве такие ранее чуждые ему категории, как «субординация» и «табель о рангах». Магический круг привилегий и поощрения был закреплен выдачей званий. Эта эпоха создала предпосылки для движения всплыть, консерватизма и блоки нового, экспериментального, без чего не может развиваться такая сложная и живая материя, как музыка. Боялись потерять свою материальную и моральную привилегии заставляли музыкантов стремиться всеми способами удерживать командные позиции. Создалось положение, при котором платили не столько за талант, сколько за место и звание.

Многие представители следующего поколения стали стремиться прежде всего получать места и звания, а затем уже сказать свое новое слово. Да и спрос на поиски и открытия неуклонно падал. Символ эпохи — однообразные гала-концерты в честь праздников, открытий и закрытий съездов. Музыканты пристались только к многостаканным, выгораживаемым в три приема занятиям. Позднее и демократичному классическому блюду добавлялся юмористично-эстрадный гарнir, который был ядром ее жизненной пристрастии.

Формула «искусство привлекает народ» осталась несущественной и не очень понятной даже самим. Массы действительно сделали первый шаг в постижении своей культуры, но дать сделать следующий шаг не входило в планы «отца народов». Ведь люди, осознавшие ценность культуры и искусства, полуничин в этом процессе импульсы к развитию и само-воспитанию, начинают думать и чувствовать самостоятельно и дифференцированно. Это уже не масса, которой легко управлять. Фундаментом абсолютной власти было высоконравственный, инициативно мыслящий человек стать не может.

Эпоха Хрущева не принесла музыкальному искусству ничего нового, кроме запирания существующего положения вещей и продолжения процесса дезавалютизации эстетических ценностей, так как сам генезис эстетики отнюдь не был. На модернистов в искусстве открыли очередные горизонты, и если массу артистов, художников и музыкантов отдали в крепостную зависимость от чиновников. Отныне, если кто-то кому-то в чиновном виде не понравился, запиралась на него не было и кому. Не важно, что в душе у непогрешимого служителя муз мог таинственность, как она частенько и случалась, страшна искусства — «искусство в штабском», как их также называли между собой, делал свое знание: дергать артистическую бразу в узде и «не пуштить» куда не надо. В филармониях и управлениях культуры насыпалась не компетентность, а исполнительность по отношению к выдающимся и строгостью к низкостям. Отдельные представители музыкального искусства буквально осыпали индустрии звания, ордена и прочие чести этого вида заслуженных званий, но при полном забвении многих не менее достойных. Главное же — в стороне оставались центральные проблемы развития искусства, творческая личность. Не случайно, что Ростропович, Тарковский указывали прежде всего на творческие причины своего отъезда.

В КОНЦЕ шестидесятых годов происходит последняя крупная сдача позиций в музыкальном искусстве. Она прекратила все проявляется в таком явлениях, как скрытая безработица. Каждый год в Московской консерватории происходит распределение выпускников, попытка поставить их на работу в отдаленные районы страны, где их полноценная творчес-

кая деятельность или на содержание аппарата принуждения.

Почему в Америке и Европе охотно принимают наших музыкантов-мигрантов, и они имеют чаще всего интересную работу? Потому, что спрос превышает предложение. Подготовка же музыкантов — дело долгое, дорогое и трудоемкое. Преподаватели музыки за рубежом получают за один урок больше, чем у нас преподаватель музыкального вуза за месяц. При таком раскладе выгоднее получать готового музыканта и дать ему возможность выложить все знания, которые он накопил за долгие годы бдения за ролем или партитурой. Ручей из резервуара отечественной культуры в зависимости от политической обстановки вытекает то более интенсивно, то менее, но не уклоняется... А в отношении нашего общества к этой проблеме не меняется.

«Концертное дело» идет не только спонсоров, но и меценатов» — этот тезис часто выдвигается сейчас как альтернативный. На мой взгляд, он не так убедителен, как кажется. Да, действительно, на Западе существует система меценатства. Однако меценатам там быть не только престижно, но и выгодно: прибыли, если она потрачена на покупку картины или содержание симфонического оркестра, или на проведение музыкальных мероприятий, не взимается налог. Таким образом государство опосредованно управляет процессами в культуре.

Наша музыкальная культура вполне может сами себя прокормить. Они могут зарабатывать деньги в видах, и в видах. Наш «музыкальный товар» как раз относится к числу немногих, соответствующих уровню мировых стандартов, и он может быть легко реализован на международном рынке. Необходимы организационные усилия, вполне осуществимы в рамках действующей системы при определенном расширении прав самих музыкантов. Нужно только определить направление музыкальной реформы и разработать ее тактику. Давно уже обсуждается вопрос создания творческого союза музыкантов-исполнителей. Непонятно изначальное стремление ограничить его роль только решением творческих вопросов, высказанных, к примеру, в статье в «Правде»: «Союз должен стать коллективной профессиональной советской концертной исполнительской ассоциацией».

Хочется заметить, что мировое признание показывает, что профессиональными критериями и совместью в филармонических исполнителей дела обстоит гораздо лучше, чем у руководителей концертного дела, и поэтому целесообразнее создать союз по примеру кинематографистов на принципах самоуправления. Неподумавшему положение, при котором у гасторлера, работающего в капиталистической стране, забирают 90 процентов его гонорара, а на оставшиеся 10 он должен себя прокормить и купить подарки нужным людям в Госконцерте. А потом музыканты не могут допроситься денег на строительство концертных залов, покупку и ремонт инструментов, открытие репертуара, стола необходимого, например, Московскому. До каких пор будут пожирать страну наши музыканты, не находя себе годами места для ежедневных необходимых многочасовых занятий? До каких пор пианисты будут запрещать заниматься у себя дома своим искусством, мобилизуя товарищеский суд или правление индивидуального кооператива? А ведь как раз именно это случилось со Станиславом Бунином. А наши органисты, которые из-за недостатка инструментов играют на очереди ночами в тех немногих концертных залах, в которых есть инструмент? Чего же стоит все дискуссии в центральной прессе, если помещение, принад-

лежащее филармонии, передают кооперативной базе, как это сделали в Ташкенте «отцы города», в единственное здание с естественной акустикой — бывший православный храм — позиционируя в центре города.

ЖВАНЕЦКИЙ ПОТОМУ И ЖВАНЕЦКИЙ, ЧТО ОН — ЖВАНЕЦКИЙ

Фото Э. Лапкова.

М. ГУЦЕВА.

Помалу, тут нет, на мой взгляд, главного смысла — Михаила Жванецкого смысла тому, что сам же и говорит. Не речь же за филантропию построить Фонд имени Тихонова по смыслу. У нас же и любить и слышать — это объективно это объективно. На Западе популярность группы определяется путем спроса на ту или иную пластинку. У нас выход делается на основе писем, пришедших в ТАСС. А кто пишет такие письма? В первую очередь, конечно же, любители низкосортной музыки, знакомые с ней по посещениям баров и дискотек. Я что-то не могу себе представить, например, любителей творчества Бориса Гребенщикова, наводящих ТАСС своим письмами в центре группы «Аквариума». Кто-то, будущий в Ленинграде, я ради спортивного интереса решил посетить концерт «Ласкового мая». Весь партер от-

личества филармонии, передают кооперативной базе, как это сделали в Ташкенте «отцы города», в единственное здание с естественной акустикой — бывший православный храм — позиционируя в центре города.

Н Е БУДЕМ бросать музыкантам упреки в том, что они не объединились и не начали перестроить музыкальную жизнь силу. При той степени запущенности и запущенности, которая сегодня существует, решение этой проблемы не по силам усталой, извергшейся и привычно упавшей музыкальной братии.

Если общество действительно нужно музыкальное искусство, решения должны быть приняты самые кардинальные на самом высоком государственном уровне. И их выполнение должно контролироваться сверху и снизу.

Они должны насытить воссоединения системы образования и культуры прежде всего. Для

осуществления этой грандиозной задачи придется ставить вопрос о расширении деятельности музыкальных вузов, музыкальных школ,

и не о скромности, как происходит сейчас.

Только в процессе глобального решения проблемы связи музыкального и общественного творчества вспомогательного зала, в котором живет гуманизация общества, возникнет настоящий спрос на музыкальное искусство и будет найден выход из тупика.

Исполнительское искусство в России за два столетия своего существования приобрело стойкие признаки, передавшие в генетический код. Многие поколения русских музыкантов выработали критерии и укрепили традиции, которые превратились в то, что называется «школой». Школу можно разрушить, но это тем труднее, чем выше ее уровень и длительнее период существования. Русская исполнительская школа еще существует. Она все еще покаает миру исполнителей высочайшего класса.

Платежи Третьяков, Исаакиев и Гумилев, да и многие, многие другие, в лице досыпанных фамилий артистов балета, которых наскоро собрали для второго отделения,

но дело не только в этом. В определении приставки кинтара все объявление номеров в первом отделении давались сперва на английском языке, а затем — скороговоркой на русском.

Умственно заметить, что даже на брифингах МИД первое обращение идет не языке страны, где он проводится.

Во втором отделении, несмотря на поддержанные аплодисментами вспышки в зале: «Переведите на русский!»

Недавно в Московском театре оперетты состоялся организованный «Интерконцерт» вечер под названием «Большой концертный концерт».

Служба Тихонова не только подчеркнет ширину его плея, а патерналистичной

Искусство и зритель

Давно ли вы были там?

Уже прошло пять лет, как ушла из жизни замечательная актриса, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР, Фанни Григорьевна Раневская. Ей продолжают много писать. В издательстве «Искусство» выпущен сборник «О Раневской», составленный директором Театра имени Моссовца Львом Лосевым. Но хочется спросить авторов воспоминаний: давно ли они были на могиле артистки на Донском кладбище? Там до сих пор еще стоит надгробие с надписью «Раневская Фанни Григорьевна».

В Совет Министров СССР за подписью Л. А. Кулешовой и М. И. Царева было отправлено письмо с просьбой установить надгробие на могиле Раневской. В письме определялись расходы на изготовление и установку его в размере четырех тысяч рублей. Неужели в двух крупных творческих союзах так и не нашли денег?

В ЛАПТЕВ. МОСКВА.

А теперь о беспокойстве. Любая исполнительская культура Казанцева, считая его наследием в вокальном исполнительстве, мы, сожалению, можем слушать лишь неизвестную часть из записанного в фондах Всесоюзного радио. Казанцева стала первой исполнительницей концерта для голоса с оркестром Глинки, который исполнялся с шестьюдесятью дирижерами. И по сей день это лучшее исполнение, в веде с дня премьеры прошло уже 45 лет.

А теперь о беспокойстве. Любая исполнительская культура Казанцева, считая его наследием в вокальном исполнительстве, мы, сожалению, можем слушать лишь неизвестную часть из записанного в фондах Всесоюзного радио. Казанцева стала первой исполнительницей концерта для голоса с оркестром Глинки, который исполнялся с шестьюдесятью дирижерами. И по сей день это лучшее исполнение, в веде с дня премьеры прошло уже 45 лет.

В АЛЕКСЕЕВ. МОСКВА.

Фабрика-то халтурная

Халтурная фабрика культураторов выпускает музыкальную игрушку — пинпон «Ноты» (арт. № 08-01-47, цена 8 р. 90 коп.). Удобный деревянный ящик, грубо раскрашенный, напоминает изделия кустарных артелей первых послевоенных лет, накинут торговыми ярмарками на «бэрзаполках». Но, конечно же, это безобразие, насколько это возможно.

На Западе популярность группы определяется путем спроса на ту или иную пластинку. У нас выход делается на основе писем, пришедших в ТАСС. А кто пишет такие письма? В первую очередь, конечно же, любители низкосортной музыки, знакомые с ней по посещениям баров и дискотек. Я что-то не могу себе представить, например, любителей творчества Бориса Гребенщикова, наводящих ТАСС своим письмами в центре группы «Аквариума».

Я — за максимальный переход фондов записей в пластики. Есть и еще путь «живописи» духовного наследия. В частности, это передача по радио. Неверное, и у нас можно что-либо сделать в этом направлении, вплоть до колп с фондовыми записями!

В. ЛАПТЕВ.

МОСКВА.

О. ЕЖКОВ.

Фондовая запись «Соловья»

Завтра напишем это письмо многолетнему поклоннику перед исполнительским творчеством нашей выдающейся певицы, гордости советского вокального искусства — Надежды Аполлоньевны Казанцевой. И... беспокойство.

Народная артистка РСФСР Н. Рождественская в сопровождении статьи и последней пластины Казанцевой пишет, что один только первенец исполненных ею произведений, запись которых хранится в фондах Всесоюзного радио, занимает несколько страниц.

Казанцева стала первой исполнительницей концерта для голоса с оркестром Глинки, который исполнялся с шестьюдесятью дирижерами. И по сей день это лучшее исполнение, в веде с дня премьеры прошло уже 45 лет.

А теперь о беспокойстве. Любая исполнительская культура Казанцева, считая его наследием в вокальном исполнительстве, мы, сожалению, можем слушать лишь неизвестную часть из записанного в фондах Всесоюзного радио. Казанцева стала первой исполнительницей концерта для голоса с оркестром Глинки, который исполнялся с шестьюдесятью дирижерами. И по сей день это лучшее исполнение, в веде с дня премьеры прошло уже 45 лет.

А теперь о беспокойстве. Любая исполнительская культура Казанцева, считая его наследием в вокальном исполнительстве, мы, сожалению, можем слушать лишь неизвестную часть из записанного в фондах Всесоюзного радио. Казанцева стала первой исполнительницей концерта для голоса с оркестром Глинки, который исполнялся с шестьюдесятью дирижерами. И по сей день это лучшее исполнение, в веде с дня премьеры прошло уже 45 лет.

В АЛЕКСЕЕВ. МОС

«ЖИВОПИСИ ЗЕЛЕННАЯ КРАСА»

В год, столь обильный памятными датами, круглыми годовщинами... этого юбилея, кажется, не будет. Не состоится. Виновник предполагаемого торжества не любит собственные юбилеи и предпочел уехать на открытие выставки произведений советских живописцев в Италии. Свое 60-летие Индулис Заринь встретит завтра в дороге. Не хочется особо философствовать по этому поводу, однако случай характерный для художника, всегда, как нам кажется, находящегося в пути. Фраза близка к метафоре, она, впрочем, могла бы стать эпиграфом и экспозиции, которая сегодня все-таки откроется в честь юбилея живописца в Художественном музее Латвийской ССР.

Думается, нет лучше места для подобной экспозиции в Риге, столице весьма, к сожалению, небогатой выставочными помещениями. Зарину было над чем задуматься: открыть измерную, в сущности, выставку, но в национальной сокровищнице или же предпочтеть более масштабный по площади зал, где можно было бы продемонстрировать себя «от младых ногтей». Нет, он предпочел показать совсем немногого — около полуторын работ, скорее, обозначающих, чем представляющих его многообразное творчество. Зато в залах его музея, куда он впервые пришел подростком, где он приобщился к пониманию высоких целей искусства, сержетов мастерства, в стенах, которые стали свидетелями первых его успехов и приняли в себя самые его громкие работы. Нынешняя экспозиция — своеобразный парафраз всего творческого пути, и недаром художник ввел в ее композицию портреты близких ему художников.

Индulis Заринь, полагаю, сделал эту выставку, глядя на себя, свое прошлое как бы со стороны, 60 лет все-таки вершина... Он художник современный, живущий бровью со своим народом, его мечтами и иллюзиями, геройской и реальностями. История красных латышских стрелков величественна и трагична. И Заринь стал певцом и интерпретатором этого народного эпоса, склонившегося на глазах предшествующего поколения. Цикл полотен, посвященный рыцарям революции, одно из самых значительных достижений советской тематической живописи. Около десяти лет назад на выставке, посвященной 60-летию Великого Октября, в Москве была показана картина-алофреоз этой серии — «Уходя на войну». В ней удивительным образом соединено несколько временных моментов: прощание с воин-

• Индуктив Зарина

Федя А. Амбарцумян

НЕ ПРОСТО
МУЗЕЙ

НАШИ ГОСТИ

ИГРА УМА И ФАНТАЗИИ

Ненстощим потоком знатоков и любителей изобразительного искусства, наполняющий выставочные залы Художественного музея имени В. В. Верещагина в городе Николаеве. В прошлом году здесь побывали 150 тысяч горожан и же гостей.

У музея — юбилей. Ему исполнилось 75 лет. Он был открыт в 1914 году в честь замечательного художника В. В. Верещагина. Его работы и личные вещи составили первую коллекцию. В нее вошли также произведения живописи, скульптуры и графики И. К. Айвазовского, М. М. Антокольского, В. Е. Маковского, Ф. А. Рубо, А. И. Куинджи и других выдающихся мастеров, переданных в дар Академии художников Румынией.

дожеств и Русским музеем. Шли годы. Биографию музея не обошли исторические бури: революция, гражданская война, трагическое время фашистской оккупации. Коллекция картин была практически утрачена. Сохранилась едва ли ее

семейством в Аргентину. Но композиторская карьера, о которой мечтал Стефано (А. де Грасиа, А. Брага), не удалась. И он грустно заключает: «Человек — это поражение, жизнь иллюзия...»

ющие музеи страны поделились своими фондами. Из частных собраний поступили картины И. И. Левитана, И. К. Айвазовского, П. Ф. Соколова, З. Е.

«ЦВЕТЫ»

дарила музею две тысячи его произведений.

И еще одно радостное событие: Музей имени В. В. Верещагина переехал в реконструированный старинный особняк, являющийся памятником истории и архитектуры. Здесь разместилась экспозиция, в десять раз превышающая прежнюю. Появилась возможность показать посетителям новые сокровища, которые многие годы хранились в запасниках. В музее открыта гостинка, где можно посмотреть видеофильмы, посвященные изобразительному искусству, послушать камерные концерты, исполняемые не только советскими, но и зарубежными артистами. Здесь проходят творческие дискуссии, обменыва-

ческие дискуссии, обменяются мнениями художники.

За последние годы фонды Художественного музея имени В. В. Верещагина — хранилища красоты — увеличились более чем на три с половиной

— ВРЕДИТЕЛЬСТВО

Недавно ЦТ показало документальный фильм «Письма живого человека» («Казахстан-фильм», 1989, автор сценария О. Карпузин, режиссер А. Гончаров).

ловинский).
Это рассказ об известном литературоведе, писателе Николае Алексеевиче Раевском, чья жизнь вместила в себя неизрятное число событий, фактов, творческих открытий. Он учился на биофаке университета, закончил Миндайлосское артиллерийское училище. Всевоз в первой мировой войне. После революции вынужден был эмигрировать. Служил в

РУКОПОЖА

зывать на меня влияние всю жизнь. Пушкин сказал, что он прежде всего любил свое Отчество. Именно — свое! И как бы оно в данное время было несовершенно — он не желал бы ни в коем случае иметь другого».

В 1945 году после освобождения Праги Раввский был вызван в СССР и осужден. Пораженный вправах, он мог погибнуть только в Мининском скве. Люди в те годы боялись ссыльных. Доктор естественных наук с трудом нашел место лаборанта в городской клинике.

Это было время, когда можно было отчаяться, расстаться, но каждую минуту Раввский умел наполнить смыслом. Он на общих началах стал работать в Мартьяновском музее, привнес в прикладное искусство

Понемногу, хотя и с опаской, его стала привечать местная интеллигенция; в клинике, где он работал, за него утвердилась репутация хорошего дневного. Появился круг знакомых. И все-таки ему было одиноко.

В начале 60-х Раевскому разрешили переехать в Алма-Ату.

Первую книгу «Если заговорят портреты» автор издал, когда ему было за семьдесят.

ВОЗРАСТ, конечно, более чем почтенный для дебютиста. Но для ученых Пушкинского дома он давно, еще с деревенской поры, был признанным и авторитетным исследователем. Для широкого круга читателей литературное наследие Николая Раевского было не менее загадочным и интригующим, нежели те портреты современников Пушкина, собранные в *Альбоме*. Благодаря забыванию, что

Он пытался разгадать в книге. Через десять лет выходит вторая книга известного исследователя «Порты заговорщиков». И на карте кинозаведения прочно утверждается Адам-Ата.

и праздное любопытство, желание умножить число сказов о Пушкине заставляло обращать внимание не на факты, которые могут взаться малозначительными, мнению автора, в жизни великого писателя, а на то, что ведь малозначительного

ТВ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

РУКОПОЖАТИЕ ВРЕМЕН

зыть не меня влияние всю жизнь. Пушкин сказал, что он прежде всего любил свое Отечество. Именно — свое! И как бы оно в данное время было несовершенно — он не желал бы ни в коем случае иметь другое».

В 1945 году после освобождения Праги Раевский был вызван в СССР и осужден. Пораженный в правах, он мог попасться только в Министерство юстиции, но не в тюрьму. Раевский был выслан в Сибирь, в город Томск, где он работал в клинике кафедры хирургии Томского университета. Там он и умер в 1953 году.

Понемногу, хотя и с опаской его стала привечать местная интеллигенция; в клинике, где он работал, за ним утвердилась репутация хорошего доктора. Появился круг знакомых. И все-таки ему было одиноко.

В начале 60-х Раевскому разрешили переехать в Алма-Ату. Пер первую книгу «Если заговорят портреты» автор издал, когда ему было за семьдесят.

Возраст, конечно, более чем почтенный для дебютанта. Но для ученых Пушкинского дома он давно, еще с дооценной поры, был признанным и авторитетным исследователем. Для широкого круга читателей литературное наиме Николая Раевского было не менее загадочным и интригующим, нежели те портреты современников Пушкина, собранные в зале Библиотеки Государственной

ДЛЯ ВАС И ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ

**Ваше сердце
будет в норме,**

если Вы прибегнете к помощи
Латвийского производственного биофарма-
цевтического объединения

«ЛАТВИОФАРМ»

Оно готово поставлять аптечным учреждениям и больницам эффективные лекарства, оригинальные советские препараты, не уступающие зарубежным образцам:

— РИБОСИН в ампулах — средство для лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Оно исключительно хорошо стимулирует сердечную мышцу.

— ЭТАЦИЗИН — способствует ускоренному лечению сердечно-сосудистых заболеваний.

— ОРТОФЕН — эстрондное, противовоспалительное средство. Высокоэффективно при лечении остеохондроза. Превосходит своим лечебными свойствами большинство из аналогов.

Все лекарства и препараты с маркой «Латвиофарм» пользуются неизменно высокой репутацией. Объединение долгие годы считается одним из лучших в отрасли. Его цеха оснащены новейшим зарубежным и отечественным оборудованием. Полностью гарантируется стерильность и эффективность лекарств.

Заказы просим присыпать в республиканское управление «Союзфармация» или же на завод-изготовитель по адресу:
229014,
Латвийская ССР,
г. Олайне,
объединение
«Латвиофарм».

Телефон: 96-21-25

Амниоцен

РИГИНАЛЬНОЕ
средство, не имеющее заменителей в отечественной лечебной практике.

**АМНИОЦЕН —
БИОГЕННЫЙ
СТИМУЛЯТОР**

ОКАЗЫВАЕТ
ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ,
РАССАСЫВАЮЩЕЕ
И РЕПАРАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Препарат особенно помогает при лечении больных хроническим простатитом и аденомой простаты. Используется в виде суспензии белого цвета с желтым оттенком.

Молдавское производственное биофармацевтическое объединение.

«МОЛДАВИОФАРМ»

готово без промедления удовлетворить заказы лечебных и аптечных учреждений при обеспечении ПО человеческой плацентой.

НАШ АДРЕС:

277023, г. Кишинев, ул. Ваду-луй-Водская, 2. Телефон: 47-33-50.

Бакинский химико-фармацевтический завод предлагает:

Сульфодекартэм-

овую и единственную в своем роде мазь. Незаменима при лечении себореи, розаце, розовых угрей, а также псориаза волосистой части головы, чесотки, осложненной дерматитом. Кроме того, оказывает антипаразитарное, противовоспалительное и антиаллергическое действие. Мазь нетоксична.

В отличие от мазей, содержащих только серу, препарат уменьшает воспалительные изменения на пораженных участках. Выпускается в алюминиевых тубах по 25 граммов — как двух-, так и трехпроцентная.

ТЕБРОФЕН- обладает противовирусной активностью в отношении вируса герпеса простого, вируса бородавок и адено-вирусов. Применяется при лечении заболеваний кожевиринской этиологии: адено-вирусного конъюнктивита, киратоконъюнктивита, кератитов, вирусных лихорадок, выраженных на губах, плоских вульгарных бородавок у детей и т. д. Выпускается в алюминиевых тубах по 25 граммов.

АДРЕС:

370603, ГСП, Баку-29, Беюк-Шор,
Бакинский химико-фармацевтический завод.
Телефоны: 66-40-71, 66-12-37, 66-34-05.

**Как от живой
воды,**

аживут Ваши ожоги и раны, если Вы приобретете в аптеке аэрозольный препарат

ОКСИЦИЛОЗОЛЬ

Он выпускается на ЛЕНИНГРАДСКОМ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ХИМИКО-ФАРМАЦЕТИЧЕСКОМ ПО «ОКТЯБРЬ»

ОКСИЦИЛОЗОЛЬ сочетает противовоспалительные и противовирусные действия преднизолона с противонекротическими действиями фторгидрофторициклина, стимулирует процесс ангиогенеза и способствует очищению организма от вредных организмов, существенных и винтагрициклину. Применяют при поверхностных и глубоких ранах, а также при различных инфицированных ранах.

Для оптовых закупок наш адрес:

197022,
Ленинград,
Аптекарский проспект, 5.
Объединение «Октябрь»

Эффективные лекарства

и препараты предлагает

Министерство медицинской и микробиологической промышленности СССР

Горьковский химико-фармацевтический завод

выпускает мазь «КОРТОМИЦЕТИН»

Она обладает противоспалительными, антиаллергическими и противовоспалительными свойствами. Ее применяют при комплексной терапии воспалительных и аллергических заболеваний кожи. В том числе при осложненной микробной инфекции, чувствительной к действию левомицетина, инфицированных и микробных язвах, нейродермитах, аллергическом дерматите.

СВЕЧИ САЛАЗОПИРИДАЗИНА

Одно из самых эффективных лекарственных средств для лечения неспецифического язвенного колита прямой кишки, постдизентерийного колита и болезней Крона. Свечи обладают антибактериальным и противовоспалительным действием. Особо хорошо помогают при острых стадиях болезней.

Пользуйтесь нашей продукцией, и вы будете здоровы.

Заказы на продукцию присыпайте по адресу:

603600, г. Горький, ГСП-459, ул. Малая Ямская, 18. Горьковский химфармзавод. Телефоны: 34-20-75, 33-73-85. Телеграф: 151212 Медик.

Хотите избавить

своих детей от зубной боли?

Попросите стоматолога запломбировать зубы ваших детей

МЕДНОЙ АМАЛЬГАМОЙ

амальгама медная таблетированная для стоматологической практики ТМАС-01 выпускается на НИКИТОВСКОМ РУГУМНОМ КОМБИНАТЕ. Ее выпуск наложен в 1989 году.

Медная амальгама — пломбировочный материал, предназначенный для пломбирования карнозных полостей молочных и恒牙的牙齿. Благодаря алигогидратному действию торнозит раздвигает вторичный карнес.

Представляет собой интерметаллик меди со ртутью, содержит сплавы из благородных металлов, улучшающие коррозионную стойкость и цветовую устойчивость. Медная амальгама выпускается в форме таблеток весом 0,7 грамма в стеклянных банках по 200 штук в камдай. Цена упаковки 10 рублей 50 копеек.

Заказы просим направлять в областное управление «Союзмедтехник», или в предприятие-изготовитель по адресу:

238008, Донецкая область, г. Горловка, ул. Вознесенского, 20. Никитовский ругумный комбинат.

Телефон: 4-72-71.

Лучшие
свойства
народной
медицины

В прополисной мази

«ПРОПОЦЕУМ»

РОПОЦЕУМ содержит комплекс природных соединений прополиса, который обладает антибактериальным действием и стимулирует защитные функции организма

ПРОПОЦЕУМ снижает болезненность пораженных тканей, способствует росту грануляций, ускоряет процесс регенерации и эпителизации раневых поверхностей. Обладает противовоспалительными свойствами, оказывает противовоспалительные действия.

ПРОПОЦЕУМ применяется при лечении длительно не заживающих ран, трофических язв, нейродермитов.

Мазь, изготовленную таллинскими фармацевтами, можно заказать в областных и республиканских объединениях «Союзфармация».

**Уманский
витаминный
 завод**

рекомендует НОВЫЕ ПРЕПАРАТЫ, эффективные отечественные средства заместительной терапии

таблетки «СОЛИЗИН» и «СОМИЛАЗА»

Ферменты, лежащие в их основе, прекрасно гидролизуют жиры. Они назначаются при лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта: хронических панкреатитов, недостаточности поджелудочной железы, пищеварительной недостаточности, хронической желтухи, холецистита, желчного пузыря. Препараты применяются по назначению врача.

Стоматологическая помощь — 3 рубля 52 копейки.

Заказы просим направлять в аптечные управление Минздрава СССР, союзных, автономных республик, краевые, областные и городские отделы здравоохранения, а также в адрес завода:

258900. Черкасская область, г. Умань, ул. Ленинской «Искры», 31. Витаминный завод. Телефон: 5-61-32.

Полоску подготовил

СОЛНЦЕ-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ

Т. 285-46-32